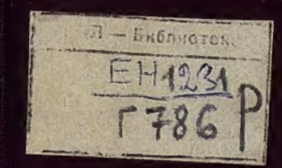
Горев Б. И.

Анархизм в России

1930

Б. И. ГОРЕВ

АНАРХИЗМ В РОССИИ

I

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. А. ПИОНТКОВСКОГО И Б. И. ГОРЕВА

Б. ГОРЕВ

АНАРХИЗМ В РОССИИ

(ОТ БАКУНИНА ДО МАХНО)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

СОДЕРЖАНИЕ

Школа ФЗУ им. Ильича, „Мосполиграф".
Главлит А—67090. Зак. 285 Тираж 5.100

ОТ АВТОРА

Великая тяжба анархизма с научным коммунизмом, начавшаяся борьбой Бакунина с Марксом в I Интернационале, нигде не получила такой яркой формы и законченного выражения, как в России. Кроме того, нигде так четко не выявилась социальная сущность анархизма и его классовая основа, как в русском революционном движении. Не случайным является тот факт, что именно в России воспитались величайшие теоретики и идеологи новейшего революционного анархизма — Бакунин и Кропоткин, равно как и выразитель своеобразного религиозного анархизма — Толстой. И если борьба анархизма против революционного марксизма еще частично продолжается в капиталистических странах, несмотря на великий опыт Октябрьской революции, то именно у нас, в Советском Союзе, в стране диктатуры пролетариата, эта тяжба получила свое историческое завершение — и в теории и на практике.

Поэтому знакомство с судьбами русского анархизма представляет огромный интерес не только с точки зрения истории русского революционного движения, но и для теоретического изучения характерной и своеобразной диалектики анархизма вообще в законченном этапе исторического развития. Особенно интересно и важно изучение истории русского анархизма для нашей молодежи, которая иногда еще может увлекаться «романтической» стороной анархического бунтарства, мнимой «левизной» «революционной» анархистской фразы. Для этой молодежи очерк истории русского анархизма «от

Бакунина до Махно», основанный на об,ективном изучении первоисточников, составит один из элементов, укрепляющих марксистско-ленинское мировоззрение.

Предлагаемая читателю брошюра является научно-популярным изложением некоторых результатов более чем двадцатилетней работы автора над русским анархизмом, работы, которая продолжается до сих пор. И если одни части этой брошюры представляют собою переработку и дополнение отдельных отрывков уже напечатанных работ автора (таковы главы о Бакунине и бакунизме, а также об анархизме эпохи первой революции), то другие, особенно глава об анархизме во время войны, Февральской и Октябрьской революций, являются новыми и совершенно самостоятельными исследованиями, основанными на проработке малодоступных материалов, частью архивных, а главным образом, литературы самих анархистов.

Естественно при этом, что главы об анархизме 1905—1908 гг. и эпохи Октябрьской революции, как наиболее важные, изложены с наибольшей конкретностью и наибольшим числом подробностей. Вообще же брошюра имеет в виду более подготовленного читателя, привыкшего к чтению социально-политической и исторической литературы и знакомого (хотя бы в самых общих чертах) с основами марксизма и ленинизма.

ВВЕДЕНИЕ

При всех различиях видов и оттенков анархизма, их об'единяет одинаковое отношение к государству, к проблеме власти вообще. Происходя от греческого слова «анархия», что обозначает «безвластие», анархизм есть учение о безгосударственном состоянии общества, о таком общественном строе, при котором совершенно отсутствует всякое принуждение, в котором все отношения людей основаны на добровольном соглашении, на свободном договоре. Этим анархизм, как «безгосударственный» социализм, противопоставляет себя марксизму, как социализму «государственному», основная идея которого будто бы, наоборот, — полное поглощение личности всесильным государством. Подлинное отличие анархизма от революционного марксизма и коммунизма заключается, однако, не в этом отрицании государства и государственной власти. Ибо и для революционных марксистов (в отличие от реформистов) будущее общество, в котором не будет борьбы классов, представляется без современного принудительного государственного аппарата, являющегося лишь организацией классового господства. В развитом коммунистическом строе вся общественная принудительная организация сведется лишь к области производства и распределения продуктов, во всем остальном личность будет совершенно свободна.

Вот почему Ленин в своей работе «Государство и революция», приводя цитату из Маркса о том, что после своей победы «рабочие придают государству революци-

онную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство», прибавляет, поясняя и развивая мысли Маркса: «Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти против эксплоататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопросов против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того чтобы сломить их сопротивление. А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не «преходящая форма» государства?»

В самом деле, для революционных марксистов государство, как аппарат принуждения и подавления, лишь постепенно отмирает после победы пролетариата, после переходного периода его социалистической диктатуры, в результате которой борющиеся классы современного государства постепенно исчезают и растворяются в бесклассовом трудовом коллективе социалистического общества. Анархизм же ставит своей задачей прежде всего уничтожить государство и лишь на развалинах его построить идеальный анархический строй. При этом анархисты не понимают, что само государство есть лишь следствие, политическая надстройка деления общества на классы, а не его причина. Затем они забывают, что отказ от государственной власти как орудия подавления прежних эксплоататоров, означает на деле добровольное разоружение победившего пролетариата в момент самой острой борьбы классов и, следовательно, облегчение низвергнутым господствующим классам самим вооружиться для захвата прежней власти.

Кроме того, анархизм, если он хочет быть последовательным, отрицает в сущности не только государственную власть, он отрицает всякую власть, отрицает всякую общественную дисциплину, без которой немыслимо существование любого общественного союза, хотя бы и добровольного, как кооператив или профессиональный союз, немыслимо даже никакое производство в крупном масштабе. Поэтому наиболее последовательным видом анархизма является анархизм индивидуалистический, для которого высшим законом считается воля личности, который не признает никаких норм и считает, что «все позволено». Он является идеалом или совершенно неприменимым к жизни, книжной выдумкой людей, считающих себя особо привилегированными. «аристократами духа», или же приводит не к свободе всех, а к своеволию немногих, более сильных, к взаимной борьбе и человеконенавистничеству. Все другие виды анархизма, особенно анархизм коммунистический и анархо-синдикализм, запутываются в безвыходных противоречиях, как только они, не ограничиваясь критикой социализма или идеями разрушения государства, пытаются обосновать свой собственный идеал — соединение коммунизма с анархической «свободой личности».

Анархизм в истории возникает на различной общественной основе, но всегда в переломные эпохи, когда смена одной общественной формации другою резко ухудшает положение не успевших приспособиться элементов разлагающегося общественного строя, выбивает их из привычной жизненной и классовой колеи и в то же время обостряет вопрос государственной власти. Так было на заре капиталистического развития в Европе, когда разорявшееся крестьянство XIV — XVI веков, страдавшее и от феодального гнета и от развивавшегося торгового капитализма, выдвинуло ряд религиозных сект, отрицавших не только всякую эксплоатацию, но и всякую власть. Так было в эпоху промышленного пе-

реворота в Англии и Великой французской революции, эпоху, выдвинувшую первого крупного теоретика анархизма новейшего времени — англичанина Годвига, который писал: «Каждое государство, какова бы ни была его форма, есть большая или меньшая степень тирании... Угнетение, насилие, грабеж и война — неизбежные следствия существующих учреждений. Средство для исцеления ясно: это — упразднение государства, освобождение личности от цепей закона. Ничто не будет тогда мешать личности в ее поисках счастья». При этом предполагалось, что «правильно понятые» интересы отдельных личностей, не противоречащие «человеческой природе», совпадают между собой. Развитие промышленного капитализма на континенте Европы, сопровождавшееся ухудшением положения мелкого крестьянства и разорением ремесла, вызвало в свет типично мелкобуржуазный анархизм Прудона, который об'явил «воровством» крупную собственность, но идеалом общежития считал увековечение мелкой собственности на основах свободного договора. В качестве рецепта от всех социальных зол Прудон предлагал мелкобуржуазную утопию особого «народного банка», через посредство которого все члены общества будут обмениваться продуктами своего труда, — утопию, возвращающую нас к докапиталистическому ремесленному производству, где казалось, что каждый рабочий владел или мог владеть продуктами своего труда.

Дальнейшее развитие капитализма, разоряя мелких собственников — крестьян и ремесленников — вместе с тем порождало хроническую безработицу и многочисленный люмпен-пролетариат. Поэтому, если учение Прудона было в значительной мере консервативным и в своем анархизме не шло дальше бойкота государственной власти или идеи федерации, то его ученик Бакунин сделался, как мы увидим, родоначальником самого революционного, боевого направления в анархизме. Но и

Прудон и Бакунин отражали в значительной мере настроения классов и групп, которым капитализм нес гибель, и поэтому их учения имели больше всего последователей в странах отсталых, со слабо развитой промышленностью.

Возрождение анархизма в конце XIX и особенно в начале XX века, когда он принял форму «анархо-синдикализма», т. е. союза анархизма с профессиональной борьбой рабочего класса, было вызвано, кроме общих длительных явлений капиталистического строя (как продолжающееся разорение мелкой буржуазии, безработица, рост дороговизны и т. п.), еще особой причиной: разочарованием части революционно настроенных рабочих в соглашательской, оппортунистической деятельности большинства социалистов II Интернационала. Этим разочарованием, переходившим в равнодушие к политике, к парламентским выборам, к политическим партиям, и пользовались анархисты, критика которых по адресу реформистских социалистов находила в некоторых группах рабочих сочувственный отклик.

Но новейший европейский анархизм привлекал к себе известную часть рабочего класса не программой своей, не лозунгом абсолютной свободы личности. Интеллигенты, выходцы из буржуазного лагеря, могут бояться социалистической дисциплины, видеть в социализме принуждение и рабство; рабочий же знает, что без трудовой дисциплины, без централизации, без строгого порядка невозможно самое существование современного крупного производства. Поэтому за анархизмом идут или деклассированные элементы рабочего класса, или рабочие неустойчивые, неуравновешенные, измученные безработицей, которыми руководит не разум, не классовый политический расчет, а исключительно чувство ненависти к существующему миру зла и насилия; жажда мести всем богачам, всем угнетателям. Таких рабочих привлекает в анархизме его тактика, его вера

в легкость разрушения всего капиталистического строя путем бомб или стачек, его наивное утверждение, что достаточно одного разрушения, а созидание, творчество легко придет само собой.

В 80-х и 90-х годах, в эпоху промышленной депрессии , по Западной Европе прокатилась волна анархистских террористических покушений, в которых нередко тайную роль играла и полицейская провокация. Таковы убийство французского президента Карно или австрийской императрицы, взрыв бомбы во французской палате депутатов и т. п. К началу XX века этот индивидуальный анархический террор заменяется попытками анархистов связаться с массами, чтобы там проповедывать бойкот политических партий и парламентаризма, социальную революцию при помощи всеобщей стачки, революцию «скрещенных рук». Так возникает анархо-синдикализм, т. е. союз анархизма с профессиональным движением.

Характерной особенностью России на протяжении последних 50 лет было то, что в ней совмещалось быстрое развитие капитализма в его новейших формах с отсталым общественным и политическим строем, в котором долго сохранялись и остатки натурального хозяйства и пережитки крепостничества, и самый дикий азиатский деспотизм государственной власти. Поэтому в России анархизм отражал и ненависть крестьянства к государству и капитализму, и настроения мелкобуржуазной интеллигенции и, отчасти, деклассированных, связанных с ремеслом или крестьянством элементов рабочего класса. Кроме того, Россия XX века на протяжении 12 лет пережила три революции, потрясшие широчайшие народные массы, вызвавшие глубочайшие общественные сдвиги. Вот почему анархизм в России проделал особо интересную эволюцию, вот почему история его является для нас чрезвычайно поучительной.

1. БАКУНИН.

Бакунин был не только величайшим основоположником новейшего европейского анархизма, но и родоначальником, теоретиком и идейным вождем всего анархизма русского. Кроме того, в яркой и полной противоречий фигуре Бакунина особенно выпукло проявились все свойственные анархизму внутренние противоречия, нашедшие свое завершение после Октября. Поэтому учение Бакунина, его теоретические основы, его программа и тактика, наконец его социальная сущность заслуживают того, чтобы на них остановиться более подробно, тем более, что в последние годы опубликован ряд новых материалов, характеризующих Бакунина с малоизвестной до сих пор стороны.

В области чисто теоретической Бакунин в целом ряде идей и вопросов примыкал к Марксу и лишь проводил и популяризировал его взгляды, нередко, впрочем, искажая и упрощая их. В области философии, в противоположность взглядам своей молодости, когда он был идеалистом, Бакунин стал решительным атеистом и материалистом и много усилий употребил на борьбу с религией и идеалистическими предрассудками. Мало того, Бакунин был атеист *воинствующий*. Он вел борьбу с богом, как с личным врагом, и ставил атеизм во главу программы, основанного им общества «интернациональных братьев». В противоположность богу, которого он ненавидел, Бакунин охотно восхвалял сатану (конечно, как литературный образ), которого называл «вечным бунтовщиком, первым свободным мыслителем и освободителем миров».

Далее, Бакунин усвоил и проводил в своих сочинениях марксовский исторический материализм, правда, в несколько упрощенном понимании и не без противоречий. «В основании самых абстрактных. высоких и идеальных теологических (богословских) споров и религиозных войн, — говорит Бакунин, — всегда был какой-нибудь крупный материальный интерес. Все расовые, национальные, государственные и классовые войны никогда не имели другой цели, кроме владычества, являющегося необходимой гарантией и условием обладания имуществом и пользования им». В другом месте, излагая материалистическую теорию Маркса, Бакунин вполне к ней присоединяется и заключает: «Да, вся умственная, нравственная, политическая и социальная история человечества есть лишь отражение ее экономической истории». На словах принимал Бакунин также и экономическое учение Маркса. Его восторженный отзыв о главном труде Маркса, знаменитом «Капитале», стоит того, чтобы привести из него следующие выдержки. По его мнению, нет ни одного другого сочинения, которое давало бы «такой глубокий, такой ясный, такой научный, решительный и столь безжалостно разоблачающий разбор образования буржуазного капитала и той систематической и жестокой эксплоатации, которую этот капитал постоянно применяет к труду пролетариата... Это произведение есть не что иное, как смертный приговор, научно обоснованный и окончательно произнесенный не над отдельными капиталистами, но над буржуазией как классом».

Через Бакунина экономическая теория Маркса и его материалистическое понимание истории были восприняты и некоторыми выдающимися русскими революционерами 70-х годов. Этим об'ясняется отчасти та легкость, с какой столь верные некогда последователи Бакунина, как Плеханов и другие, сделались впоследствии основателями русского марксизма.

Что резко отличало Бакунина от Маркса — это его отношение к государству, к государственной власти и политической деятельности рабочего класса. Правда, и в глазах Маркса современное буржуазное государство есть лишь организация классового господства, есть орудие в руках привилегированного меньшинства для подавления и угнетения трудящихся масс. И по Марксу, с исчезновением классов исчезнет и государство. Но для марксистов не безразличны разные формы государственного строя: для них конституционное государство вообще, а особенно демократическая республика. есть та форма, которая представляет пролетариату больше свободы и организационных возможностей для борьбы. Наконец. первым решающим этапом на пути к полному освобождению революционные марксисты считали и считают завоевание рабочим классом политической власти, диктатуру пролетариата.

Для Бакунина, наоборот, всякое государство есть абсолютное зло. Если он и является республиканцем, то для него слово «республика не имеет другой цены, кроме чисто отрицательной: оно означает разрушение, уничтожение монархии». Государство демократическое может оказаться даже хуже монархии: «именно потому, что оно будет облечено в широкие демократические формы, оно сильнее и гораздо вернее будет гарантировать хищному и богатому меньшинству спокойную и широкую эксплоатацию труда». — «Нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. Опыт истории, — говорит Бакунин, — подтверждает, что даже при всеобщем избирательном праве массы сплошь и рядом выбирали своих классовых врагов. А если бы и было возможно, чтобы наученные горьким опытом рабочие перестали выбирать буржуа в законодательные и учредительные собрания, а стали посылать туда простых рабочих, то и тогда «работники-депутаты, перенесен-

ные в буржуазные условия существования, в буржуазную атмосферу политических идей, перестанут быть настоящими работниками, сделаются государственными людьми, в конце концов превратятся в буржуа и превзойдут в этом отношении даже настоящих буржуа»[1].

Поэтому Бакунин является самым решительным противником участия рабочих в парламентских выборах и участия в каких бы то ни было представительных учреждениях. Но он идет еще дальше. Отрицая всякую государственную власть, — ибо, где есть государство, — говорит, он,— там есть господство одних и рабство, угнетение, эксплоатация других,— Бакунин столь же решительно отрицает и чисто рабочую власть, диктатуру пролетариата. «Если бы завтра учредили правительство и законодательный совет, парламент исключительно из одних лишь рабочих. то эти рабочие, сегодня твердые демократы и социалисты, послезавтра стали бы определенными аристократами. смелыми или робкими поклонниками принципа власти, угнетателями и эксплоататорами».

Сообразно с этим Бакунин рекомендует не завоевывать государственную власть, а уничтожить ее и в корне разрушить всякое государство, «всякую политическую организацию», которая всегда «ведет роковым образом к отрицанию свободы». Не представляет для Бакунина исключения и революционное государство: «революционное государство — это реакция, скрывающаяся за революционной внешностью». Конечно, Бакунин также враг «революции при помощи декретов»,

[1] Здесь Бакунин замечательно метко предсказал парламентскую деятельность „соглашателей“ из II Интернационала. Но рабочие-революционеры, как видно из выступлений коммунистических депутатов, напр. во Франции и Германии, могут и в парламентах делать подлинно-революционное дело.

враг вообще какого бы то ни было управления сверху. Полное уничтожение государственного строя и свободный союз свободных общин — вот общественный идеал Бакунина.

Чтобы уяснить себе классовое происхождение и значение этого идеала, составляющего основу анархизма, посмотрим, от каких классов преимущественно ждал Бакунин осуществления своего идеала. В то время как марксисты являются партией рабочего класса, и на него возлагают свои главные надежды в деле осуществления социализма, Бакунин, как мы видели, не хотел господства этого класса, не доверял ему. Важнейшие его надежды были обращены к крестьянству. Крестьяне, по его мнению, в сущности глубоко революционны. Бакунин противопоставляет даже «буржуазному и доктринерскому (т. е. книжному) социализму городов примитивный, дикий социализм деревни». Для того чтобы крестьянин поднялся, надо только уметь подойти к нему; необходимо отказаться от насильственного навязывания крестьянам городской цивилизации, даже от насильственного навязывания социализма. «Крестьяне,— говорит Бакунин,— любят землю, пусть заберут всю землю и выгонят оттуда всех собственников, обрабатывающих ее чужим трудом. У них нет никакой охоты платить гипотеки и налоги. Пусть не платят их. Пусть те из них, которые не хотят платить своих частных долгов, не принуждаются к их платежу. Наконец, они терпеть не могут рекрутчины, пусть их не заставляют итти в солдаты». При таких условиях, по мнению Бакунина, «ничего не стоит поднять любую деревню». «Крестьянин ненавидит все правительства. Он их терпит из благоразумия», платя налоги и давая своих сыновей в солдаты, так как не видит способа избавиться от этого.

Итак, уничтожение государства и всего государственного аппарата, «уничтожение буржуазной цивилизации,

вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общественного мира» — вот тот идеал, который, по мнению Бакунина, явится в результате всеобщего крестьянского восстания и который на самом деле отвечает смутному, инстинктивному протесту крестьянина, особенно в отсталых странах, как тогдашние Россия и Италия, против закрепостившего его бюрократического государства и эксплоатирующего его капитала.

Другим классом или слоем общества, на который Бакунин возлагал свои революционные надежды, были «босяки — люмпен-пролетариат», вообще деклассированные, выбитые из колеи, из своего класса элементы, в частности деклассированная интеллигенция, к которой принадлежал сам Бакунин и от которой он ждал больших революционных дел. Это — люди, которые ничем не связаны с современным обществом, которые не занимаются постоянным производительным трудом, которые промышляют случайной работой, милостыней и даже воровством и грабежами. Для них общество, в котором они играют роль париев, роль отверженных, вся многовековая культура человечества (как, отчасти, и для крестьян отсталых стран) — лишь предмет ненависти, лишь об'ект разрушения, и идеалы социальной справедливости они понимают как непосредственную «экспроприацию» или «дележку». Именно их и считал Бакунин настоящими революционерами, тогда как к рабочим, занятым в промышленности, относился с некоторым недоверием, как к людям, уже зараженным «буржуазностью».

«Может быть, нигде так не близка социальная революция, как в Италии,— писал Бакунин.— В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилеги-

рованного, благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением». В Италии «преобладает тот *нищенский пролетариат*, о котором гг. Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что *в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы заключается весь ум и вся сила будущей социальной революции*»[1].

Что касается России, то Бакунин видел все недостатки, все темные стороны русской общины, на которую Герцен, а впоследствии и наши народники смотрели, как на зародыш социализма. В письмах к Герцену он резко нападал на то порабощение и принижение человеческой личности, которому подвергала своих членов община, или деревенский «мир». Зато он находил в России революционные элементы вне официального крестьянства, в лице раскольников, сектантов и т. д. и, наконец, в лице *уголовных преступников*. Единственное лицо, которое «смеет итти против мира — это разбойник. Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России; Пугачев и Стенька Разин были разбойниками».

Ожидая крестьянского восстания в России, Бакунин находит для него предводителя и руководителя в лице

---

[1] И здесь Бакунин отчасти предугадал реакционную роль современной „рабочей аристократии" капиталистических стран. Но он, по существу, должен был несколько недоверчиво относиться и ко всей массе промышленного, особенно более квалифицированного пролетариата, на которую всегда опирался революционный марксизм.

«образованной молодежи», этого «коллективного Стеньки Разина», этих «беспардонных юношей, не находящих себе ни места ни возможности занятий в России».

В листке, выпущенном в 1869 году под влиянием знаменитого революционера Нечаева и студенческих волнений, и озаглавленном —«Несколько слов к молодым братьям в России», Бакунин говорит, что прошлые крестьянские восстания, несмотря даже на такую могучую личность как Стенька Разин, погибли вследствие недостатка организации и прибавляет: «Теперь будет не то. Не будет, вероятно, народного богатыря Стеньки Разина, сосредоточивающего в своем лице всю народную жизнь и силу. Но будет зато легион бесславной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью и сплоченной крепко между собою одной мыслью и целью. Соединение этой молодежи с народом —вот залог народной победы», ибо у народа теперь будет «коллективный Стенька Разин».

«Итак, молодые друзья, бросайте скорей этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда раз'единить вас с народом. Ступайте в народ. Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести его дело. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителем, не благодетелем, и не диктатором-указателем для народа, а только повивальной бабкой самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий... Не хлопочите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа».

Таким образом, босяцко-крестьянская стихия, и притом преимущественно в отсталых и бедных странах,—вот для Бакунина основа будущей социальной революции. Мелкое крестьянское хозяйство — это та форма производства, которая как-будто переживала до сих пор все революции и все режимы и об организации которой заботиться не приходится. А для деклассированных элементов рабочего класса и интеллигенции производство вообще — чужое дело. Их интересуют только вопросы распределения. Поэтому для Бакунина, как и для многих последующих анархистов, вопросов организации производства не существовало вовсе. Единственная конкретная экономическая мера, которой требовал он от государства раньше его разрушения, была **отмена права наследования**, т. е. опять-таки мера не в области производства, а в области распределения богатств, вернее, в области юридических прав собственности. Вот в каких словах выражена была программа Бакунина в 1868 году в № 1 журнала «Народное Дело», который тогда же, попав в Петербург, жадно читался революционно настроенными студентами. Кроме уже известного нам «управления права наследственной собственности», а также уравнения прав женщины и уничтожения брака, Бакунин «основой экономической правды» выставлял «два коренных положения: земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — гражданским общинам. Капиталы и все орудия работы — работникам, рабочим ассоциациям». Наконец, «вся будущая политическая организация должна быть не чем другим, как свободною федерацией вольных рабочих — как земледельческих, так и фабрично-ремесленных —артелей (ассоциаций)».

В одном месте своих сочинений Бакунин, правда, высказывается в пользу экономической централизации, т. е. в пользу крупного производства. Но это лишь одно из многочисленных противоречий в учении Бакунина.

Ибо как совместить крупное производство, обслуживающее обширный район, занимающее массы рабочих и нуждающееся в доставке сырья, с полным уничтожением всякой централизации управления, всякого руководства из центра — это секрет Бакунина и его последователей. С другой стороны, Бакунин, который правильно критиковал своего учителя Прудона за то, что он «идеалист и метафизик», что «его точка отправления — абстрактная идея права; от права он идет к экономическому факту», — тот же Бакунин представлял себе переход к социализму, кроме отмены права наследства, еще в форме «сожжения всех бумаг для того чтобы уничтожить семью и собственность с юридической стороны». Здесь наивное крестьянское представление о силе «бумаги» возводится Бакуниным в принцип революционной тактики, к которому он возвращается неоднократно. Такое бумажное «уничтожение собственности» должно происходить во время непрерывных крестьянских бунтов, которые при помощи «пропаганды со стороны городов» в конце-концов приведут, «не прибегая к декретам и законам», к такому развитию и совершенствованию жизни, «о каком мы теперь только можем мечтать». Кроме этих противоречий и иллюзий в области экономической программы, типичных для всех групп мелкой буржуазии, весьма характерными для Бакунина являются и противоречия в области национального вопроса, с которыми нам еще впоследствии придется отчасти встретиться у крупнейшего из его учеников — Кропоткина.

В самом деле, Бакунин искренно считал себя интернационалистом. Он проповедывал разрушение всех государств и братский союз народов. Но между народами у него были народы-любимцы и были народы-враги, для которых он находил лишь самые мрачные краски. Так, он прежде всего питал пристрастие к славя-

нам, и хотя он не был панславистом в официальном смысле этого слова, каким его считали враги, т. е. сторонником об'единения славян под властью России, хотя он звал славян к полному разрушению и уничтожению царской империи, но все же важнейшей задачей своей жизни он считал об'единение славянства без различия классов и его борьбу с германской нацией. Далее, возлагая большие революционные надежды на французов и особенно на итальянцев, он Германию подчас прямо ненавидел и находил в ней лишь одни отрицательные стороны.

Для Бакунина весь германский народ — прирожденные лакеи и рабы. Ни в одной стране нет такого бюрократизма, такого милитаризма, такого культа столь ненавистной Бакунину государственности. Эту «государственность» немцев Бакунин особенно противопоставляет анархическим, антигосударственным стремлениям славян. Самого Маркса он считал германским патриотом, «пангерманистом», делающим по существу, лишь с другой стороны, ту же работу, что и Бисмарк.

Но еще более пристрастно и односторонне, чем к немцам, относился Бакунин к евреям. Его многочисленные выходки против евреев носят характер самого грубого и вульгарного антисемитизма. Он считал всех евреев эксплоататорами и паразитами и видел в них лишь одни недостатки. Все евреи, к каким бы партиям они ни принадлежали, связаны между собой общностью интересов и только этим интересам и служат. Все, что Бакунину не нравилось в Марксе и Лассале, он об'яснял, кроме их германского патриотизма, еще их еврейским происхождением. «Я убежден, — писал Бакунин, — что с одной стороны — Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой — Маркс чувствует инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильдам».

Этот антисемитизм Бакунина, с одной стороны, отражает ограниченный кругозор мелкого буржуа, особенно

разоряющегося, который все свои несчастия склонен приписывать конкуренции еврейского капитала. Не даром еще Бебель, знаменитый германский социал-демократ, называл антисемитизм — «социализмом дураков». Но в то же время он об'ясняется также первоначальным дворянским и офицерским воспитанием Бакунина.

Впрочем, несмотря на все эти слабые и темные стороны своего учения и своей агитации, несмотря даже на то, что в основе их лежал, главным образом, стихийный протест разоряющегося крестьянства и деклассированных элементов города, против торжествующего шествия капитализма, Бакунину все же удалось на довольно продолжительное время овладеть умами значительных групп рабочих в Италии, Испании, отчасти также во Франции и Швейцарии.

Сила Бакунина и его влияние об'ясняются не столько его теорией и программой, сколько бурной страстностью его революционного темперамента, которым он умел заражать и современников и позднейших последователей, его искренней ненавистью ко всякому гнету и эксплоатации и той неукротимой революционной борьбой, которую он сам вел в течение всей своей жизни. Он участвовал активно в революции 1848 года и в Париже, и в Праге, и на баррикадах Дрездена во время последних судорог революции. Бежав из Сибири, он ринулся с головой в возрождавшееся революционное движение Европы 60-х годов и готовился принять участие в польском восстании 1863 года. Во второй половине 60-х годов он задумал гигантское предприятие — в противовес Интернационалу, руководимому Марксом, создать свою тайную международную организацию для подготовки всемирной социальной революции. Он принял непосредственное участие в революционных вспышках, происходивших во Франции во время Франко-Прусской войны после свержения Наполеона III. Даже перед смертью он

попытался возглавить неудачное восстание в северной Италии, затеянное группой его последователей. А в промежутках между восстаниями он неутомимо проповедовал, агитировал, конспирировал, организовывал группы сторонников и поклонников — все для подготовки будущей всемирной анархической революции.

Но если громадная революционная фигура Бакунина была выше созданной им теории, то именно в основном противоречии между его программой анархической революции и той тактикой, которую он старался внушить своим близким и доверенным друзьям и которую проводил сам в моменты непосредственных революционных вспышек, сказалась основная слабость всего анархического учения.

Ибо в чем была главная беда бакунизма, если отвлечься от его мелкобуржуазной основы, от того, что он был идеологией не промышленного пролетариата, а отсталых крестьянских и полупролетарских масс, которым капитализм несет гибель? Беда бакунизма, как практического, боевого революционного учения — в том, что он не представлял себе, в каких конкретных условиях будет происходить борьба и особенно победа революции. Все анархические идеи об упразднении государства разлетаются в прах, как только дело доходит до действительной гражданской войны, особенно, если она победоносна.

Это же относится и к борьбе анархистов против организационной централизации революционных партий, без которой немыслимы сколько-нибудь серьезная борьба и реальная победа.

И Бакунин, как революционер крупнейшего калибра, смутно чувствовал или инстинктивно понимал все это. Поэтому мы находим в его тайных организационных планах и в его революционной тактике, особенно в недавно лишь открытых и опубликованных материалах, целый ряд кричащих противоречий с его основными

анархистскими лозунгами и его официальной пропагандистской и агитационной деятельностью.

Как известно, Бакунин, между прочим, нападал на Маркса за централизаторский характер руководимого им Интернационала и за его мнимые диктаторские замашки в этом Интернационале. Между тем, сам Бакунин в организованном им тайном международном обществе «Интернациональных братьев» и особенно в уставе этого общества проповедывал строжайшую дисциплину. Вот в каких словах он формулировал эту дисциплину: «В недрах совета каждый брат имеет право и даже обязанность стараться проводить свои личные взгляды, но раз большинство совета или директории, во имя верховного авторитета, приняло решение, противное его мнению, никто уже не имеет права каким бы то ни было образом воздействовать на общественное мнение в несогласном с этим высшим решением направлении». При этом во главе проектируемого им тайного международного общества должна была стоять еще более тайная, невидимая директория с почти неограниченными, диктаторскими полномочиями.

Эту же диктатуру, диктатуру тайную, скрытую не только от врагов, но и от народных масс, предполагал проводить Бакунин и во время будущей революции. Если публично он неоднократно выражал ту мысль, что «страсть к разрушению есть в тоже время творческая страсть», что из анархии сам собою рождается порядок, если в 1869 году находившийся тогда под его влиянием Нечаев писал: «Мы имеем только один отрицательный, неизмеримый план — общего разрушения... созидать не наше дело, а других, за нами следующих», — то вот что писал сам Бакунин, год спустя, одному из своих близких агентов, французу Ришару: «Больше не будет ни общественного порядка, ни общественного интереса. Что же должно занять их место, дабы революционная анархия не при-

вела к реакции? Коллективное действие невидимой организации, раскинутой по всей стране. Если мы не создадим этой организации, мы никогда не выйдем из состояния бессилия». И характерно, что в качестве примера такой невидимой и всемогущей организации Бакунин тут же приводил католический орден иезуитов, в котором было достигнуто полное растворение личности в коллективе и где царила железная дисциплина. В другом месте Бакунин еще точнее выразил свою мысль: «Существует одна лишь единственная власть, единственная диктатура, коей организация благотворна и возможна: коллективная незримая диктатура членов Альянса[1] во имя нашего принципа». «Мы будем вызывать анархию» и, «незримые кормчие, руководить ею в народной буре».

Таким образом, резко выступая против централизованных и дисциплинированных партий, руководящих революционным рабочим движением, основоположник новейшего анархизма предлагал в то же время невидимую диктатуру тайной революционной организации, которую массы не только не могли контролировать, но о существовании которой они не должны были знать. Точно так же, отрицая, как мы знаем, какую бы то ни было государственную власть, даже самую революционную, Бакунин вынужден был в революционные моменты сам такую власть рекомендовать и даже создавать.

Так, в своей замечательной работе «Письма к французу», посвященной анализу положения Франции во время Франко-Прусской войны и проповеди социальной революции, мы на одной и той же странице встречаем следующие прямо противоположные мысли и предложения. «Чтобы спасти Францию, вы должны разрушить»

[1] Т. е. союза. Так кратко называлось основанное Бакуниным тайное международное общество.

французское государство. — «Но раз государство, официальное общество будет разрушено, со всеми своими политическими, полицейскими, административными, юридическими, финансовыми учреждениями, возникнет естественное общество, народ вернет себе свои естественные права. Это будет спасение Франции единением деревень и городов в социальной революции». И немедленно вслед за этим уничтожением государства предлагается «правительству, избранному парижским населением», выпустить воззвание ко всей Франции, которое пригласило бы все провинции, города и деревни, «восставшие во имя спасения Франции, федерироваться между собою, опять-таки снизу вверх и послать своих делегатов в назначенное ими место, куда Париж тоже, конечно, пошлет своих делегатов. И собрание этих делегатов составит новое временное и революционное правительство Франции».

Как видим, непосредственно революционная ситуация вынуждала Бакунина как революционера-практика требовать создания революционного правительства, что являлось вопиющим противоречием его основному анархическому убеждению и лозунгу. Мало того, осенью 1870 года во время попытки лионского восстания, в котором Бакунин принял участие, он подписался под прокламацией, которая в § 1 упраздняла государство, в § 5 — учреждала «Комитеты спасения Франции», «которые, под непосредственным контролем народа, будут заниматься всеми делами правления», а в 6 — постановляла созвать «революционный конвент спасения Франции». Как этот конвент должен был действовать, видно из того, что советовал Бакунин лионскому «Комитету спасения»: «Не теряйте времени в пустых разговорах. Действуйте: арестуйте всех реакционеров. Бейте реакцию в голову».

Наконец Бакунин несомненно сочувствовал якобинцам Великой французской революции, создавшим под-

линно революционную диктатуру. В тех же «Письмах к французу», сравнивая деятелей 1848 и 1870 гг. с якобинцами Великой революции, Бакунин пишет: «Помимо этих личных качеств, которые придают поистине характер героев людям 1793 года («революционный ум, воля, энергия», словом, «бес в теле»), у якобинцев Национального конвента так удачно вышло с чрезвычайными комиссарами еще потому, что этот конвент был действительно раволюционным и потому, что опираясь сам в Париже на народные массы, на чернь, в стороне от либеральной буржуазии, он дал приказ своим проконсулам, посланным в провинции, опираться также всегда и везде на ту же чернь». А на следующей странице Бакунин добавляет, говоря опять о комиссарах: «Они не являлись в какую-нибудь местность для того, чтобы диктаторски провести в ней волю Национального конвента. Они делали это лишь в очень редких случаях и когда они являлись в местность, вполне и целиком враждебную и реакционную. Тогда они не являлись одни, а в сопровождении войска, которое присоединяло аргумент штыка к их гражданскому красноречию»[1].

И позже, в статье о Парижской Коммуне, заявляя, что он ее сторонник «в особености потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием государства», Бакунин в то же время очень снисходительно относится к «якобинскому» большинству коммуны и оправдывает «соглашательское» поведение склонявшегося к анархизму меньшинства следующим соображением: «Правительству и версальскому войску они были вынуждены противопоставить революционное правительство и вой-

[1] Вспомним, что такой реакционной и враждебной революции местностью была, между прочим, и Вандея, где происходило знаменитое крестьянское восстание против революционного правительства, беспощадно подавленное Конвентом.

ско, т. е. чтобы одолеть монархическую и клерикальную реакцию, они должны были, забыв и поступившись первыми условиями революционного социализма, прибегнуть к якобинской реакции». Здесь совершенно ясно из контекста, что упрек в забвении «первых условий революционного социализма» (так иногда называл Бакунин свой анархизм) приведен лишь для успокоения «теоретической совести»; что все симпатии Бакунина-революционера на стороне «якобинской реакции», т. е. на стороне смелого и решительного революционного правительства.

Таким образом, если, как мы видим, во всех серьезных, решающих случаях Бакунин-революционер, с его чутьем действительности, побеждал Бакунина — непримиримого теоретика анархии, то это делает честь личности Бакунина, но вместе с тем свидетельствует о банкротстве анархизма, как практической революционной теории, даже у величайшего ее основоположника.

2. БАКУНИЗМ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 70-х ГОДОВ

В русском революционном движении 70-х годов, захватившем не только разночинную, демократическую и часть деклассированной дворянской молодежи, но и группы передовых рабочих, в начале боролись между собою два главных направления: лавризм и бакунизм. Лавров, признавая, как и Бакунин, безгосударственный социализм, считал все же необходимым сохранить некоторые функции государства в переходное время после победы революции. Кроме того, и это главное, он требовал от молодежи долгой предварительной выучки, умственного и нравственного самосовершенствования, раньше чем она отправится с пропагандой социализма в народ. Да и на пропаганду эту он смотрел, как на длительный процесс, считая, что революция может победить только тогда, когда подготовлены значительные массы сознательных социалистов в самом народе. Подобная программа действий мало соблазняла пылкую революционную молодежь, ожидавшую всеобщего крестьянского восстания, верившую в инстинктивный социализм русского мужика и наэлектризованную как революционным движением на западе, так и жестокими преследованиями со стороны правительства Александра II, выявившего вполне свою реакционную сущность.

Кровавое, беспощадное, небывалое в новейшей истории по своей жестокости подавление Парижской Коммуны 1871 года, совершенное правительством буржуазной республики, усилило в нашей революционной интеллигенции ненависть ко всякой государственной

власти, независимо от ее форм, стремление вместе с капитализмом уничтожить и государство, т. е. усилило настроения анархические.

Революционная интеллигенция, оторвавшаяся от своих классовых групп, занимавшая промежуточное экономическое положение между главными классами пореформенной России и, следовательно мелкобуржуазная по своей социальной роли, еще не была втянута в процесс капиталистического развития, стояла в стороне от него и видела лишь те отрицательные стороны его, которые особенно бросались в глаза: разорение деревни, эксплоатация рабочих, откровенное хищничество, дикость и некультурность новой буржуазии, городской и деревенской, которую высмеивали поэт Некрасов, сатирик Салтыков-Щедрин, тонкий бытописатель Глеб Успенский.

Вместе с тем идеология этой интеллигенции, непосредственно выражавшая в теоретической форме ее отвращение к паразитическому капитализму и ненависть к реакционному правительству, душившему всякое проявление свободной мысли,— эта идеология косвенно отражала и смутные настроения крестьянской массы, страдавшей и от помещиков, и от разорявшего ее капитализма, и от угнетавшей ее орды чиновников. Вот одна из причин той тяги, того влечения к крестьянству, того желания слиться с ним, стать выразительницей его нужд, интересов и упований, которые так характерны для революционной интеллигенции 70-х годов. Вот почему также это мировоззрение, получившее название народничества, можно считать одной из разновидностей — по интеллигентски понятого и выраженного — утопического, уравнительного крестьянского социализма, с его ненавистью ко всякому государству и всякой государственной власти, ненавистью, уживавшейся с наивной верой в царя и его справедливость.

Не удивительно, что такому настроению революционной интеллигенции больше всего соответствовала проповедь Бакунина, что именно за его идеями пошло большинство революционной молодежи и что вышедшая в 1873 году на русском языке знаменитая книга Бакунина «Государственность и анархия», резко нападавшая на Маркса, страстно звавшая к анархической революции, сделалась любимейшей книгой русских революционеров.

Но если от Бакунина наши революционеры и народники заимствовали его отрицание государственной власти и политической борьбы, его революционную страсть, его веру в революционность крестьянина, в возможность «поднять любую деревню», то экономическая программа народничества взята была, главным образом, от учителя Бакунина, мелкобуржуазного мыслителя Прудона, гораздо более консервативного по своим взглядам, чем Бакунин.

Мы уже указывали во введении, что Прудон не отрицал собственности вообще, он отрицал лишь собственность крупной буржуазии. Что касается пролетариата, то Прудон стремился создать такие условия, при которых за рабочими обеспечена была бы их собственность, продукт их труда, чтобы рабочие могли работать, не подвергаясь эксплоатации (источник которой он видел не в производстве, а в обмене, в существовании «посредников», т. е. купцов и предпринимателей, — между производителями и потребителями) и без обобществления всего производства. С этой целью он придумал план «дарового кредита». Если каждый рабочий будет получать кредит из «народного банка», думал Прудон, то он сможет сам обзавестись нужными орудиями и сырым материалом и обойтись без капиталиста. Так и будет разрешен социальный вопрос мирным путем. Из этого видно, что Прудон совершенно не понимал законов капиталистического про-

изводства. Он не понимал, что в крупной машинной промышленности ни один рабочий не знает, какая часть продукта принадлежит ему. Все его планы и проекты были приспособлены к обществу мелких производителей, ремесленников и крестьян, мелкобуржуазную психологию которых он и отражал [1].

Взгляды Прудона имели громадное влияние на русских революционеров и социалистов народнического толка, так как они отвечали отсталому характеру экономики тогдашней России и указывали мнимый путь к социализму — прямо от мелкой частной собственности, минуя капиталистический строй. Вот эта смесь бакунизма и прудонизма и характерна для анархических настроений революционеров 70-х годов. Этот анархизм, в свою очередь, пережил ряд этапов, проделал своеобразный путь диалектического развития, полного противоречий, пока не пришел к собственному отрицанию.

Уже в 1869 году среди некоторых групп революционной молодежи в Петербурге, находившихся под влиянием агитации Бакунина и Нечаева, были ясно сформулированы основные положения бакунинско-прудоновской программы. В открытом недавно в архивах — известным историком революционного движения Б. П. Козьминым — проекте нелегального журнала мы читаем: «Под политическим освобождением он (т. е. журнал) понимает верховное право народа располагать своей судьбой, следовательно, полнейшее уничтожение всякого государства, как учреждения, стре-

[1] Это сказалось и в путанице полититических взглядов Прудона. Отрицательно относясь к государству, предлагая как мы знаем, „бойкотировать“ его (а не разрушать революционным путем, как звал Бакунин), он к то же время один момент ожидал осуществления своих мелкобуржуазных утопий от императора Наполеона III, а впоследствии ограничивался лишь программой федеративного устройства государства.

мящегося ограничить это право... Под экономическим освобождением понимается полнейшее уничтожение всех посредствующих лиц между потребителем и производителем, т. е. достижение такого экономического устройства, в котором производитель был бы полнейшим хозяином своего труда, следовательно, уничтожение арендаторов и фабрикантов», которые или выпуждены были бы «примкнуть к партии труда, либо им предоставлялась бы голодная смерть» (подчеркнуто нами — Б. Г.).

И еще восемь лет спустя, на знаменитом «процессе 50-ти», где судилась московская группа пропагандистов, бывшая в тесной идейной и организационной связи с редакцией женевского бакунистского журнала «Работник», один из выдающихся членов группы, революционерка Софья Бардина в следующих словах формулировала все те же прудоновские взгляды: «Собственность я никогда не отрицала. Напротив, я осмеливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человек имеет право на собственность, обеспеченную его личным производительным трудом, и что каждый человек должен быть хозяином своего труда и его продукта».

Между тем наиболее последовательно проводил идеи чистого бакунизма именно первый агитационно-пропагандистский орган его, предназначавшийся для рабочих, журнал «Работник». Он издавался в Женеве в 1875-76 гг. группой ближайших последователей Бакунина, хотя и порвавших личные отношения со своим учителем, вследствие его тяжелого характера.

В передовой статье первого номера — «Почему мы печатаем газету» — мы читаем: «В некоторых государствах оно как-будто лучше, чем у нас, а на деле выходит все та же дрянь». «От всей болтовни господ выбранных народу нет никакой пользы». Центральная экономическая идея бакунизма формулирована в той же статье

в следующих словах: «Как землю надо крестьянству от помещиков в общину отобрать, так и городским фабричным да заводским работникам надо все мастерские, фабрики и заводы в рабочие артели отобрать, а господа хозяева пусть подобру да поздорову убираются, пусть сами работают, потому что дармоедов никто кормить не станет».

В номере четвертом в большой статье «Благодетели» ведется в талантливо популярной форме полемика на три фронта: против конституционалистов, республиканцев и «якобинцев» — бланкистов [1].

«Из кого же составится царская дума? Из помещиков, из всяких кулаков да из брехачей-адвокатов! Вот вам и конституция! Теперь царь с помещиками давит рабочий народ, а при конституции помещики с царем будут грабить народ. Вот и вся перемена. Самодержавие надо долой. Долой и благодетелей, которые народ обмануть хотят всякими конституциями». И дальше: «В республике народом правят помещики, купцы, кулаки без царя». «Разницы между царством и республикой, в которой попрежнему останутся сытые и голодные, нет никакой». Наконец «есть еще и другие благодетели. Они идут дальше. Незванные и непрошенные, они хотят произвести бунт, прогнать царя и сесть на его место, не дожидаясь народного выбора. Захватив власть в руки, мы облагодетельствуем народ, — говорят эти люди. — Мы отдадим ему отнятую землю и другие орудия труда. Мы истребим врагов народа. Мы возвратим народу волю. Эти благодетели не лучше других; они хотят учредить опеку над народом и заставить его силой принять то, что вздумают дать ему».

---

[1] Так называли революционеров, которые мечтали совершить революцию путем захвата власти небольшой группой заговорщиков.

Под этим последним видом «благодетелей» явно подразумеваются Ткачев и его группа, основатели руссского бланкизма, выступившие почти одновременно с первыми бакунистами. Ткачев дал, как известно, блестящую, почти не превзойденную критику анархизма — как последовательного анархизма Бакунина, так и половинчатого анархизма Лаврова. В этом первом столкновении русского анархизма с идеей революционной диктатуры (независимо от того утопического содержания, которое в нее вкладывал Ткачев) была в зародыше вся та борьба, которая велась и ведется отчасти до сих пор между анархизмом и Советским государством.

В выпущенной Ткачевым в 1875 г. программе его журнала «Набат» мы находим такие строки: «Наша так называемая революционная заграничная пресса поступает вполне последовательно со своей антиреволюционной точки зрения, когда утверждает, что революционеры должны хлопотать не о том, чтобы сосредоточивать в своих руках государственную власть, т. е. материальные силы, а о том, чтобы разрушить эту власть, чтоб оставаться и после переворота такими же бессильными и безоружными, какими они были до революции, каковы они теперь».

— «Что такое анархия без пердварительного практического осуществления идей бартства и равенства? Это хищническая борьба человека с человеком, это хаос противоречивых интересов, это господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма, одним словом, это именно то... что составляет сущность буржуазного общества». С другой стороны, «социалистические идеалы, несмотря на всю их истинность и разумность, до тех пор останутся несбыточными утопиями, пока они не будут опираться на силу, пока их не прикроет и не поддержит авторитет власти».

В этих словах с большой яркостью и силой выдвигаются основные возражения против анархизма, и если им придать марксистскую формулировку, если вместо слов «практическое осуществление идей братства и равенства», мы поставим марксистский термин—уничтожение классов, то аргументы Ткачева сохранят свою силу до настоящего момента[1].

Первое литературно-организованное выступление русских бакунистов—журнал «Работник»—явилось вместе с тем и наиболее выдержанным, последовательным до конца и принципиальным. В то время как пугачевское восстание всегда выдвигалось нашими бакунистами-практиками 70-х годов (да отчасти и самим Бакуниным) как идеал народного восстания, из которого они исходили в своей программе, мы в «Работнике» (№ 5) неожиданно находим следующие любопытные рассуждения: «Что, если бы Пугачев победил? Лучше ли бы стало народу? Конечно, нет!» Для доказательства этого утверждения приводятся два соображения. Во-первых, победивший Пугачев неизбежно восстановил бы весь аппарат власти, столь гибельный для народных масс, а во-вторых, на пугачевских виселицах «не качались купцы и кулаки-мироеды», другими словами, движение было только антидворянским, но не антибуржуазным.

С переходом бакунизма из далекой Женевы на реальную почву российской действительности он теряет значительную часть своей последовательности и запутывается в ряде противоречий.

---

[1] Конечно и Ткачев был типичным мелкобуржуазным социалистом, который так же, как и народники, не понимал классовой природы русской государственной власти, не понимал роли капитализма и пролетариата, но в тоже время, переоценивая легкость завоевания власти революционерами, он глубоко проник в сущность революционной диктатуры, и в том его огромная заслуга.

Те настроения и ожидания, с которыми народники-бунтари шли «в народ», ярко выразил известный революционер-бакунист Кравчинский в своем письме к Лаврову, где он резко раскритиковал его программу деятельности, названную им презрительно «словоговореньем». «Если в народе достаточно революционных элементов,—писал Кравчинский,—то первый бунт разрастается в революцию. Заранее никто не может сказать, есть ли эти элементы или их нет. Не идей недостает народу. Всякий, кто много шатался по народу, скажет вам, что в его голове совершенно зрелы основы «элементарного» (конечно, не научного) социализма».

«Все, чего недостает народу — это страсти. Ну, а страсти вспыхивают мгновенно и нежданно. Если же в народе революционных элементов мало, то бунт неминуемо будет подавлен. Но тот пример, который он даст, та программа, которую он поставит, то возбуждение страстей, которое он вызовет, принесут больше пользы, чем целые десятилетия неутомимейшей и успешнейшей пропаганды... Итак, резюмирую: мы хотим действия более решительного, более быстрого, мы хотим непосредственного восстания, бунта».

Но при первых серьезных попытках нести свое учение в народ бакунисты испытали ряд разочарований. Оказалось, во-первых, что далеко не так легко «поднять любую деревню», как это думал Бакунин, что крестьяне в огромном большинстве недоверчивы и пассивны, а кроме того, согласно теории Бакунина выходило, что чем крестьянин беднее, тем он революционней, и потому, «идя в народ», молодые русские бакунисты наряжались батраками, нередко чуть ли не в лохмотья. Но на деле они убедились, что в таком виде они не только не пользуются в деревне уважением, но что их боятся даже пустить в избу. Они убедились, что в крестьянах очень крепки инстинкты и чувства собственников, что их легко возбудить против помещика, но чрезвычайно

трудно убедить в необходимости и пользе общей собственности.

Однако это не остановило революционной работы народников. Они лишь изменили тактику. Не веря больше в возможность немедленной социальной революции, они пытались поднять отдельные, хотя бы небольшие крестьянские бунты на почве местных нужд, местного недовольства и озлобления. При этом некоторые из них допускали совершенно авантюристские приемы. Такова история знаменитого «чигиринского бунта» в Киевской губернии, когда бакунисты Дейч и Стефанович. принципиальные отрицатели всякой государственной власти и всякой революции сверху, подняли крестьян при помощи подложного царского манифеста, в котором царь будто бы тайно подстрекал крестьян против помещиков.

Мы видели, что журнал «Работник», очевидно, под непосредственным влиянием европейского рабочего движения и Первого Интернационала, уделял большое внимание рабочему вопросу в России, знакомил русских рабочих с деятельностью Интернационала, с историей Парижской коммуны и т. д. А официальная программа русских бакунистов в первом номере журнала «Земля и Воля» в октябре 1878 г. заявляла: «Этой программой мы видвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным». Но логика жизни толкала наиболее выдающихся бакунистов к пропаганде и агитации именно среди рабочих, так как здесь они встречали наибольшее внимание, сочувствие и понимание. Впрочем, иногда они оказывались в этом случае в положении курицы, высидевшей утят. Рабочие своим классовым чутьем понимали всю

важность и необходимость для них политической борьбы, борьбы за права, за политическую свободу и за власть. Когда основанный рабочими Обнорским и Халтуриным «Северный союз русских рабочих» выдвинул в своей программе ряд политических требований, бакунисты-землевлодельцы обвиняли его в подражании германским социал-демократам.

Но именно вопрос политической борьбы, этот центральный вопрос разногласий между бакунизмом и марксизмом, и явился главным камнем преткновения в деятельности наших бакунистов.

С одной стороны, упомянутая нами выше программа в журнале «Земля и Воля» ставила этот вопрос еще совершенно по-бакунински: «Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т. е. вольных, автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли,— такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа. Поэтому ее принимаем и мы, революционеры-народники». А в то же время один из активнейших и влиятельнейших членов этой организации — Кравчинский — в брошюре «Смерть за смерть», написанной им по поводу убийства (им же) шефа жандармов Мезенцева, говорил, что единственным настоящим врагом революционеров в настоящий момент является буржуазия, и предлагал правительству посторониться и не мешать борьбе бакунистов с буржуазией. «Давайте или не давайте конституцию, призывайте выборных или не призывайте, назначайте их из землевладельцев, попов или жандармов — это нам совершенно безразлично. Не нарушайте наших человеческих прав, вот все, что мы хотим от вас».

Такая наивная постановка вопроса о характере и социальной сущности государственной власти свидетельствовала, что здесь именно было самое слабое место бакунистов 70-х годов. И действительно, согласно своему учению, они считали, что борьба за конституцию, за политическую свободу не только не нужна народным массам, но является вредной и даже опасной, так как конституция лишь укрепила бы у нас буржуазию и содействовала бы развитию ненавистного капитализма. Но логика борьбы с правительством, которое их беспощадно преследовало, и разочарование в близкой крестьянской революции, привели их к необходимости бороться именно за политические права, за конституцию, за учредительное собрание.

Если, таким образом, одна часть бывших бакунистов в процессе своего развития пришла к своему собственному отрицанию и стала государственниками, боровшимися за политические реформы или даже за власть, то другая часть, наиболее связанная с рабочим классом, восприняла учение Маркса и стала родоначальниками российской социал-демократии.

Так завершилась первая фаза в развитии русского анархизма. Те противоречия, какие были заложены в учении самого Бакунина, выявились во весь рост в процессе реальной революционной борьбы.

---

[1] Этому превращению в значительной мере содействовало и то обстоятельство, что не находя массового отклика в крестьянстве хотя и сохраняя в своей идеологии многие черты „крестьянского социализма“, наша революционная интеллигенция в своей борьбе с правительством неожиданно нашла сочувствие и поддержку со стороны так называемого либерального „общества“ т. е. буржуазной интеллигенции, жаждавшей конституции, политической свободы и видевшей в революционерах, несмотря на их „социализм“

3. ТОЛСТОЙ И КРОПОТКИН

Крушение революционного народничества и «Народной Воли», последовавшая за ним реакция, а затем начало рабочего движения — на целых два десятилетия сняли совершенно анархизм с арены русского революционного движения. Крупнейший из последователей Бакунина — бывший князь Кропоткин—стал теоретиком европейского анархизма и лишь со времени первой революции начал оказывать идейное влияние на анархизм в России. Но та же эпоха реакции выдвинула новый своеобразный продукт русской жизни в лице графа Толстого, который под старость стал «кающимся дворянином», из помещика хотел превратиться в мужика и выработал теорию особого, «мирного» и притом религиозного анархизма.

Если первые «кающиеся дворяне», т. е. революционные выходцы из дворянства начала 70-х годов были симптомом начинавшегося большого революционного

и даже анархизм, именно лишь смелых борцов за политическую свободу.

При этом характерно, что именно бакунинская идея „разрушения" или покрайней мере „дезорганизации" правительственного аппарата,— идея которую в 1869 г. с особой силой и настойчивостью проводил Нечаев, наиболее была восприията во 2-ой половине 70-х г.г. южно-русскими бакунистами—„бунтарями", этими особенно типичными выразителями мелко-буржуазной стихии. Но эта самая „дезорганизация" неизбежно, непосредственной логикой борьбы превращалась в чисто политический террор, который и возник прежде всего на юге и который должен был завершиться центральной террористической организацией, поставившей ближайшей своей целью—вместо всеобщего крестьянского восстания—борьбу с царизмом, т. е. борьбу политическую.

движения интеллигенции и косвенно отражали разочарование не только интеллигенции, но и огромных масс крестьянства в «реформах» 60-х годов, то «покаяние» Толстого совпало с периодом крушения революционных надежд интеллигенции и одновременного усиления религиозно-сектантских чаяний крестьянства. Толстому с ранней молодости было свойственно и отразилось в его художественных произведениях скептическое и даже враждебное отношение к европейской буржуазной цивилизации. Постепенно, начиная с 80-х годов, под влиянием совершившегося в нем нравственного переворота, у него начало вырабатываться отрицательное отношение ко всем основам современной социальной и государственной жизни, причем оно приняло форму новой религии, как бы возврата к мнимой «чистоте» первоначального христианства. Критика церкви, государственной власти и помещичьего землевладения — вот главные черты толстовского «анархизма». Но, в отличие от анархизма революционного, Толстой проповедывал, как известно, «непротивление злу», т. е. по существу смирение и покорность. Единственной формой борьбы с существующим злом он признавал «неделание», т. е. пассивный бойкот этого зла, бойкот государства и его органов, как, например, суд, армия и т. п., напоминая отчасти в этом отношении Прудона.

В 1894 г. в письме к редактору английской газеты он резюмировал свои взгляды следующим образом: «Говорят, — это разрушение правительства и уничтожение существующего порядка. Но если исполнение воли бога разрушает существующий порядок, то разве это не есть несомненное доказательство того, что существующий порядок противен воле бога и должен быть разрушен?»

В статье «О существующем строе» (1896 г.), снова повторяя, что «существующий строй жизни подлежит разрушению», он в следующей форме уточнял это поло-

жение: «Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитрацией; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством» и т. д.

Но в то же время, по мнению Толстого, единственное «средство для достижения этой цели, и самое простое и естественное», состоит в том, «чтобы оставить в стороне государство и правительство и не думать о нем, а думать только о себе и своей жизни, уяснять себе цель и значение своей жизни и соответственно уясненного сознания вести свою жизнь».

Вот это несоответствие между грандиозностью целей, поставленных себе Толстым, и убогой ограниченностью и наивностью рекомендуемых им средств особенно характерно для Толстого и лучше всего показывает, что его учение явилось идеализацией крестьянского миросозерцания. Не даром он так презрительно и даже враждебно относился к городской жизни вообще и к рабочему движению в частности, не даром все разрешение социального вопроса он видел в «свободной земле», «на которой бы вы могли жить и кормиться». Причем «приобрести ее вы можете не бунтами, от которых избави вас бог, не демонстрациями, не стачками, не социалистическими депутатами в парламентах, а только неучастием в том, что вы сами считаете дурным, т. е. не поддерживать беззакония земельной собственности как насилиями, производимыми войсками, так и работами на помещичьих землях и наймом их». Будучи решительным противником революции и революционных действий, Толстой учил, что «не мнимая, а действительная свобода достигается не баррикадами, не убийствами, не каким бы то ни было новым, вводимым насилием, учреждением, а только прекращением пови-

новения каким бы то ни было человеческим властям».

Внутренние противоречия и полное практическое бессилие учения Толстого, равно как и его социальную, классовую сущность ярче всего выявил Ленин в следующих словах:

«В произведениях Толстого выразились и сила, и слабость, и мощь, и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собой невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия эпохи «первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств

выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалось у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, т. е. нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям».

Впрочем, как само учение Толстого, так и вызываемый им общественный отклик менялись в разные моменты последних десятилетий истории России. В эпоху реакции 80-х годов толстовство означало, главным образом отказ от всякой общественной борьбы и, в лучшем случае, для успокоения индивидуальных сомнений бывшей революционной и оппозиционной интеллигенции, выдвигало теорию «малых дел», трудовую помощь беднякам или переход «на землю», к натуральному хозяйству, чтобы уйти от соблазна денег, «не покупать, не нанимать, и самому, не брезгая никакой работой, удовлетворять своим потребностям».

В другом свете представляется нам социальная роль идей Толстого в 90-х годах, начиная с голода 1891 г. и вызванного им общественного оживления и кончая знаменитым романом «Воскресенье». С одной стороны, сам Толстой, в основном оставаясь верным себе, все же постепенно переносит центр тяжести своей моральной философии с проблемы, так сказать, «спасения души», т. е. индивидуального самосовершенствования предоста-

вителей высших классов, на социальную критику всех основ существующего строя. Повидимому, огромную роль в этом сдвиге сыграл голод, наглядно показавший Толстому, что восхвалявшиеся им раньше прелести деревенской жизни не гарантируют массы от голода и вырождения; перед ним встал во весь рост вопрос о земле для крестьян, о помещичьем землевладении, т. е. центральный вопрос предстоявшей буржуазной революции. Вот почему, с другой стороны, именно в эту эпоху воспринимаются все более широкими кругами политически пробуждавшейся массы мещанства и даже крестьянства по преимуществу революционные элементы учения Толстого, его критика государства, церкви, капитализма, частной собственности на землю. Наоборот, его проповедь «непротивления злу насилием» или не производила впечатления, не могла задержать роста общественной активности, или, воплощаясь в формах массового пассивного сопротивления, вызывала последствия, идущие в разрез с самой идеей непротивления злу.

Возьмем для примера отношение Толстого к сектантскому движению 90-х годов и особенно к движению духоборов, которое завершилось ссылкой десятков вождей в далекие углы Сибири и переселением нескольких тысяч крестьян-духоборов в Канаду, где они образовали коммунистические общины. Наивный, окрашенный в религиозный цвет и по существу реакционый социальный утопизм сектантов, благодаря усилившимся преследованиям со стороны правительства и церкви, несомненно стал довольно заметной струей в подымавшейся общественной волне этого десятилетия. И Толстой, которого многие тысячи сектантов считали своим духовным отцом и учителем, который находился в непрестанном личном и письменном общении с их вождями, одобряя и даже поощряя их массовое пассивное сопротивление воинской повинности, несомненно

волновал на этот раз не узкие сравнительно группы интеллигенции, а широкие массы крестьянства и против своей воли вызывал у многих желание активной насильственной борьбы.

Еще более революционное значение имел появившийся в самом конце 90-х годов роман Толстого «Воскресенье». Если вспомнить, что он печатался в распространеннейшем еженедельнике того времени, в журнале «Нива», который проникал не только в самые глухие мещанские углы, но и в деревню, если представить себе, что значила тогда яркая, художественная критика русского суда и чиновничества, беспощадное разоблачение всего лицемерия высшего общества, а также социальных основ тогдашней России, особенно помещичьего землевладения, и все это, освященное таким всенародным авторитетом, каким уже был тогда Толстой, то надо будет признать, что этот роман имел огромное общественное значение. Несмотря на то, что он был изуродован цензурой, он достаточно подтачивал своей критикой существующий строй. Но характерно, что действовал он не в духе толстовского анархизма, не в смысле отрицания и бойкота государства, а наоборот, будил стремления к борьбе с самодержавием, к реформе политического и общественного строя. Таким образом, мирный анархизм Толстого, как и революционный анархизм народников 70-х годов, попадая в определенную политическую обстановку, переходил в свою противоположность.

Но вот наступили непосредственно предреволюционные и революционные 900-е годы, с их политическими лозунгами, демонстрациями, столкновениями с полицией и войском, крестьянскими «бунтами», террором. Говоря словами Маркса, «революция в головах» начала переходить в «революцию на деле», «оружие критики» стало заменяться «критикой оружием». И центр тяжести толстовской проповеди снова переместился: она за-

острилась целиком против революционного движения и особенно против политической борьбы. В эпоху массового под'ема политического сознания, в эпоху обостренной классовой борьбы революционные элементы учения Толстого совершенно стушевались, потеряли всякое значение, и на первый план выступила опять реакционная сущность этого учения, которая могла действовать на пассивные и колеблющиеся слои крестьянства.

После Октября мы видим новое возрождение толстовства. Но на этот раз, в обстановке пролетарского государства, с его многочисленными внешними и внутренними врагами, специфическое толстовство играет явно реакционную роль и может служить идейным прикрытием, идейной маскировкой для враждебных пролетарской диктатуре мещанских и кулацких групп, в частности для тех самых сектантов, которые когда-то пассивно боролись против царского самодержавия, а теперь, наряду с духовенством всех религий, идейно возглавляют отстáлые, реакционные, антисоветские элементы города и деревни. Если борьба Толстого против насилий государственной власти, против войны и воинской повинности, могла иметь положительное и иногда даже революционное значение в эпоху царизма, то теперь, когда революционное насилие является одной из форм пролетарской самообороны, когда весь капиталистический мир ждет лишь удобного повода, чтобы попытаться задушить единственное государство трудящихся, эти самые идеи Толстого (не говоря уже об их одурманивающей религиозности) становятся по существу одним из орудий врагов революции и рабочего класса.

Такова жестокая диалектика истории...

Как ни далек от наивно-религиозного, типично крестьянского, пассивного анархизма Толстого европей-

ский и революционный анархизм Кропоткина, крупного ученого и естественника, — между этими двумя фигурами есть кое-что общее. Как и Толстой, аристократ по рождению и воспитанию, офицер по своей первоначальной службе, Кропоткин тоже был «кающимся дворянином», одним из тех многих, которые в 70-х годах почувствовали вину перед народом за свое социальное положение и за общественные грехи своих предков.

В то время как Бакунина толкнул на путь революционной деятельности инстинкт борца, в то время как в его жизни моральные вопросы не играли большой роли и для него, наоборот, нередко цель оправдывала средства, — Кропоткин стал деятельным социалистом, а впоследствии и анархистом под влиянием своих научных взглядов и особенно высоко-развитого нравственного чувства, чувства долга. Еще в конце 60-х годов, когда его научные работы в области географии и геологии создали ему европейское имя, и перед ним рисовался заманчивый путь блестящей научной деятельности, он поставил себе, как он сам рассказывает в своих воспоминаниях, следующий вопрос, в котором чувствуется нечто толстовское: «Какое право имел я на все эти высокие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все, затраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?» И Кропоткин уехал за границу, где примкнул к бакунинскому крылу Интернационала и на всю жизнь усвоил себе его анархические взгляды, которые и проводил в своей пропаганде в России вплоть до своего ареста в 1874 г.

Но и к анархизму Кропоткин подходил не так, как Бакунин. Для Бакунина самым важным в анархизме была его отрицательная, разрушительная

сторона, о будущем строительстве он мало заботился. Кропоткин, наоборот, очень много внимания посвящал будущему творчеству, свободному сотрудничеству людей в избавленном от государственной власти обществе. Элементы, зачатки этого свободного сотрудничества он видел уже в теперешнем обществе; он считал именно сотрудничество, а не борьбу главным законом общества и доказывал его существование даже в животном мире. Человек по природе добр, и, если бы ему удалось избавиться от насилия государства, он устроился бы наилучшим образом.

Таким образом, в насилии и разрушении Кропоткин видел лишь неизбежное зло и с удовольствием отмечал все те факты в развитии цивилизованного человечества, которые, по его мнению, свидетельствовали о мирном прогрессе анархических и коммунистических идей и форм жизни. Поэтому он отрицательно относился к тем русским анархистам 1905—1907 гг., которые доходили до «безмотивного» террора и бессмысленных экспроприаций.

Вообще анархизм Кропоткина, несмотря на те преследования, которым подвергало его в 80-х годах французское правительство, не казался очень страшным многим представителям европейской, как, впрочем, и русской буржуазной интеллигенции, и это тоже несколько роднит его с Толстым. Он пользовался уважением и симпатией крупных буржуазных ученых и общественных деятелей. В 1912 году, в 70-летнюю годовщину его рождения ряд таких ученых и общественных деятелей Англии поднесли Кропоткину адрес, в котором, между прочим, говорилось: «Ваши заслуги в области естественных наук, ваш вклад в географическую науку и в геологию, ваша поправка к теории Дарвина — доставили вам мировую известность и расширили наше понимание природы; в то же время ваша критика классической политической экономии помогла нам взглянуть более ши-

роко на социальную жизнь людей. Вы научили нас ценить важнейший принцип социальной жизни — принцип добровольного соглашения, который практиковался во все времена лучшими людьми и который вы в наше время выставляете, как важный фактор социального развития, в противовес принципу государственности...»

Свою борьбу с этим «принципом государственности» Кропоткин пытался обосновать даже наивными сравнениями человеческого общества с царством природы, которая тоже не знает центральной власти и в которой те или иные явления бывают лишь результатом совокупных действий бесчисленного количества маленьких частиц. С целью устранить необходимость власти он проповедывал децентрализацию промышленности, забывая, что она неминуемо приведет и к распылению человеческой энергии, к распылению производительных сил. Он был противником всякой дисциплины, говоря, что дисциплина хороша только на военных парадах, но она ничего не стоит в действительной жизни, — там, где результат может быть достигнут лишь сильным напряжением воли всех, направленной к общей цели. При этом он, очевидно, упускал из виду, что всякая коллективная, массовая работа, а тем более массовая борьба требует согласования отдельных воль, требует руководства и, следовательно, дисциплины. Даже в оркестре, состоящем из первоклассных музыкантов-виртуозов, нужна дисциплина. Известно, что Фурье, которого анархисты охотно причисляют к своим и который, действительно, был враг насилия и принуждения, в некоторых случаях признавал необходимость «трудовых армий». А где есть армия, хотя бы и «трудовая», там неизбежна и дисциплина.

Кропоткин думал и проповедывал, что «государственный социализм» (так он называл марксизм) «грозит развиться в экономический деспотизм, еще более страшный, чем политический». Но ведь весь вопрос в том,

для кого этот «деспотизм» страшен. Кропоткин написал очень хорошую историю Французской революции, и, хотя он в ней критически относится к якобинской диктатуре, тем не менее он вполне одобряет некоторые весьма «деспотические» меры раволюционного правительства, а особенно парижского городского самоуправления и районных советов, меры, направленные против высших классов в защиту интересов бедноты.

Заслугой Кропоткина является то, что он поставил целый ряд интереснейших вопросов из области будущего социалистического строительства, а также его борьба со всеми видами оппортунизма и обмана народных масс.

Многие мысли, изложенные в его интересных книгах «Речи бунтовщика», «Завоевание хлеба», «Поля, фабрики и мастерские», а также в «Истории Французской революции», стали прочным достоянием революционного социализма.

Особенно много внимания он уделил вопросам экономической организации производства и потребления немедленно после победы социалистической революции, в частности, вопросу об увеличении производства, главным образом, в земледелии. Он доказывал, что капиталистический мир, вопреки обычному мнению, страдает не столько от перепроизводства, сколько от недопроизводства; но и тут, споря с марксистами, он не по адресу направлял свою критику, ибо, как известно, капиталистическое перепроизводство Маркс считал весьма относительным, являющимся в результате промышленной анархии и особенно недостатка покупательной силы низших классов. И именно Маркс, начиная еще с «Коммунистического манифеста», не раз указывал, что одним из важнейших результатов социалистической революции будет гигантский рост производительных сил, искусственно задерживаемый, благодаря корыстной классовой политике буржуазии.

Далее, подвергая меткой критике современный парламентаризм и оппортунизм соглашательских партий, Кропоткин, как и Бакунин, не понимал, что и парламентаризм может стать орудием революционного пролетариата, не понимал всей механики современного классового государства и сохранял многие черты наивного идеализма и утопизма, обращаясь со своей пропагандой не только к трудящимся массам, но и к «просвещенному разуму» буржуазной интеллигенции. Тем не менее его книги в свое время будили мысль, а его «История Французской революции» совершенно по-новому осветила многие вопросы этой революции и особенно роль широких масс.

Но в глубине души этого крупного ученого-географа и европейского анархиста сохранялись черты типичного русского интеллигента, мечтавшего о политической свободе для своей родины; кроме того, в нем, как и в Бакунине, жила неприязнь к Германии, германской государственности и германскому рабочему движению, которым он противоставлял мнимые анархические наклонности народов романских стран. Вот почему он с такой радостью приветствовал первую русскую революцию, вот почему также, когда вспыхнула мировая война, Кропоткин, забыв свой теоретический интернационализм, стал пламенным патриотом стран Антанты и в империалистической войне видел не драку мировых хищников за передел мира, а борьбу цивилизации, демократии, гуманности и свободы против германского варварства, деспотизма, империализма и милитаризма. Он стал писать свои знаменитые, полные шовинизма и ненависти к Германии статьи в русской либеральной газете «Русские Ведомости», занимая в этом отношении еще более реакционную позицию, чем Плеханов.

А в 1917 г., вернувшись на родину после 40 лет эмиграции, Кропоткин как будто не отличался ни от Плеханова, ни от эсеровской «бабушки» Брешко-Брешковской,

вместе с которыми он выступил на организованном Керенским «Государственном совещании». Как и они, он был противником гражданской войны и как будто стоял за притупление классовой борьбы, за укрепление демократической республики. Можно было подумать, что 40 лет борьбы в духе анархического интернационализма оказались лишь случайным эпизодом в жизни Кропоткина и что он разделил участь многих бывших революционных народников, в момент величайшей революции оказавшихся рядовыми мелкобуржуазными демократами.

Но по мере того как революция развивалась и как соглашательские вожди приводили ее в тупик, в нем снова начал пробуждаться старый революционер. Он не только, по свидетельству его биографа и друга Н. К. Лебедева, решительно отказался от предложения Керенского назначить его послом в Англию или выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание, но говорил, предсказывая крах Февральской революции: «На каждом шагу чувствую свою родственную связь с большевиками», а Керенского предупреждал, что если он будет продолжать свою политику, «мужики вилами прогонят его».

Несомненно, что Октябрьская революция, а затем крах германского империализма и начало революционной полосы в Европе, произвели на Кропоткина необычайно сильное впечатление. Они вернули его к тому анархическому коммунизму, который стал его природой, но они же, особенно ход событий в России, поставили его в положение поистине трагического внутреннего противоречия. Как анархист, он всеми силами своей души протестовал против режима пролетарской диктатуры со всеми ее последствиями. А как глубокий знаток европейских революций, особенно Великой революции конца XVIII века, он понимал, что эта диктатура, как и весь ход событий после Октября, являются

исторически неизбежными. В то же время он несомненно должен был испытать большую душевную неловкость, если не стыд, за свои националистические и «демократические» увлечения 1914—1917 гг., которые так противоречили всему его миросозерцанию, равно как и за те пророчества, которые так плохо оправдались. Все это вместе взятое и заставило его уйти от активной жизни, заставило этого неугомонного революционера сознательно обречь себя на молчание в течение целых 3 лет.

Правящую в России партию коммунистов он считал новыми якобинцами. В качестве анархиста он был непримиримым врагом якобинских методов управления, но, как историк и революционер-интернационалист, он признавал за новым якобинством глубоко революционное значение не только по отношению к России, но и в международном масштабе. Поэтому он отказался от публичных выступлений против Советской власти и свое настроение выражал лишь в частных письмах.

Впрочем, когда летом 1920 года Кропоткина посетила приехавшая в Москву английская рабочая делегация, он по ее просьбе написал большое письмо для европейских рабочих, в котором, прежде всего, предлагал заставить свои правительства «отказаться от мысли о вооруженном вмешательстве в дела России, как открытом, так и замаскированном, в форме ли вооруженной помощи или субсидии разным державам». «Россия в настоящий момент переживает революцию того же размаха и той же глубины, какую пережили Англия в 1639—1648 гг. и Франция 1789—94 гг., и все нации должны отказаться от позорной роли, какую во время Французской революции играли Англия, Пруссия, Австрия и Россия. Надо иметь в виду то, что пытаясь создать строй. в котором весь продукт соединенных усилий труда, техники и научного знания будет принадлежать обществу в его целом. — Русская революция не является простым эпизодом в борьбе партий. Эта революция подготовля-

лась с эпохи Роберта Оуена, Сен-Симона и Фурье почти целым столетием коммунистической и социалистической пропаганды».

И в это же приблизительно время в частном письме Кропоткин жаловался, что анархисты недостаточно предугадали то, что «подготовлялось 30 лет» [1], недостаточно оценили «силы социал-демократического централизаторства» и не умели об'единиться для борьбы с ним. Далее, он «глубоко верит в будущее», в то, что профессиональное движение «в течение ближайших 50-ти лет» сможет «приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». Он «верит» также, что «творческим ядром коммунистической жизни» окажется «русское крестьянское кооперативное движение». И, наконец, он «верит», что, «разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни».

Во всех этих обращениях и письмах поражает теоретическая беспомощность мысли, полное непонимание классовой природы интервенции [2], наивный утопизм и безвыходные противоречия.

Так современный анархизм, в лице своего общепризнанного идейного вождя и теоретика, при столкновении с величайшей из революций проявил свое полное теоретическое банкротство.

Но еще большее банкротство обнаружил практический русский анархизм и притом как в первой революции, так и в эпоху Октября.

---

[1] Т. е. тридцать лет русского марксизма, со времени плехановской группы „Освобождение труда".

[2] Кропоткин в своем обращении к европейским рабочим пытался „усовестить" правительства Антанты, которые он еще совсем недавно, во время империалистической войны, считал носителями прогресса, гуманности и „демократии".

4. АНАРХИЗМ В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кропоткин оказал большое влияние на зарождавшийся в России в 900-х годах анархизм новой формации, резко отличавшийся от анархизма бакунистов-семидесятников.

В своих исходных точках старый анархизм русских семидесятников и новейший европейский анархизм имеют между собой мало общего. Мы уже видели, что анархизм революционеров-народников, как отчасти и своеобразный «христианский» анархизм Толстого, являлся теоретическим выражением того протеста, который, по их мнению, должны были бы вызывать у русской деревни (и нередко в лице многих сектантов действительно вызывали) закрепостившее ее государство и разрушающий ее основы капитализм. Между тем, европейский анархизм конца XIX века является, напротив, всецело продуктом современного города, с его поражающими противоречиями, ослепительной роскошью и мрачной нищетой, с его хронической безработицей, отсутствием уверенности в завтрашнем дне.

Развитие капитализма в России 90-х годов прошлого века, как известно, шло гигантскими шагами, ускоряя разорение ремесла в городах, ухудшая положение кустаря и содействуя быстрому расслоению деревни, где, на фоне общего малоземелья, с одной стороны, выделялись «крепкие мужички», с другой — росла деревенская беднота, увеличивая собой число деклассированных элементов города и деревни. Быстрое развитие капитализма, сопровождающееся на первых порах экономическим расцветом, создало предпосылку для крупного

стачечного движения пролетариата и для организации рабочей с.-д. партии. Но уже с 1901 г. наступает кризис в промышленности, сопровождающийся ростом безработицы. Он повышает политическую сознательность передовых групп рабочего класса, уничтожает иллюзии экономизма, связанные с временными успехами стачечного движения, и направляет авангард пролетариата на организованную борьбу с самодержавием.

Но в то же время он тяжело отражается на ремесленном и полуремесленном производстве запада и юга тогдашней России и еще более ухудшает положение малоземельного крестьянства, которое разражается в 1902 г. большими волнениями в Харьковской и Полтавской губ. Обостряются также политические преследования. Эта обстановка создает почву как для террористических настроений мелкобуржуазной интеллигенции (эсеры), так и для появления новейшего анархизма среди отдельных мелкобуржуазных или деклассированных групп рабочих.

Впрочем, в самом начале 900-х годов анархизм еще совершенно неизвестен в России и мало проявляет себя в русской политической эмиграции, более или менее широко захватывая лишь еврейских рабочих-ремесленников из России в таких городах, как Лондон или Нью-Йорк. В это время образуется за границей русская издательская группа, выпускающая несколько анархистских брошюр, переводных и оригинальных (в том числе Кропоткина и Черкезова). А летом 1903 года, при постоянном сотрудничестве Кропоткина, группа его учеников начинает издавать в Женеве ежемесячный журнал «Хлеб и Воля», положивший официальное начало новейшему русскому анархизму и давший свое имя целому анархистскому течению «Хлебовольцев».

Вместе с тем в том же 1903 г. появляется первая анархистская группа среди еврейских полуремесленных рабочих Белостока, затем в Одессе и некоторых других городах. По мере распространения анархизма среди

деклассированных элементов интеллигенции и полууголовных босяцких групп больших городов, прекращается идейная гегемония группы хлебовольцев. Возникает группа «Безначалия», проповедывающая самый неистовый боевизм, поджоги, разрушение и захват буржуазной собственности, физическое истребление всех «классовых врагов» пролетариата, а также борьбу не на живот, а на смерть с «демократическими» (т. е. социалистическими) партиями. В качестве реакции против крайностей этой группы появляется в октябре 1905 г. первый и единственный номер журнала «Новый Мир». На 24-м номере прекращается издание «Хлеба и Воли», а в декабре выходит «Черное Знамя» (единственный номер), положивший начало «чернознаменскому» направлению в русском анархизме.

С первого своего появления русские анархисты стали применять не только агитацию, но и террор политический и экономический. Впрочем, характерно, что в течение 1905 года влияние их было мало заметно, а в «дни свободы», в разгар политической борьбы русского пролетариата с правительством они совершенно стушевались перед социалистическими партиями, особенно перед революционными с.-д. (большевиками). Но после неудачи декабрьского восстания, когда революция потерпела поражение, а экономический кризис вызвал рост безработицы, анархизм стал распространяться в России и овладевать умами довольно многих отдельных рабочих, разочаровавшихся в непосредственных результатах революции и в тех методах борьбы, которые рекомендовали социалисты. Анархистские группы появились во всех крупных городах, они распространяли литературу, легальную и нелегальную, подстрекали к стачкам, но, главным образом, совершали террористические акты и экспроприации казенных и частных денег. Особенно популярны они были в Екатеринославе, среди некоторых отсталых групп заводских

рабочих, связанных с деревней, в Одессе, где часть их сливалась с уголовным элементом, отчасти на Урале и в Польше. После разгона летом 1906 года первой думы и неудачи военных восстаний (Свеаборг, Кронштадт и др.), когда революционная волна спала окончательно, анархизм быстро выродился в простой бандитизм: экспроприации обращались в способ легкой наживы, привлекавший к анархизму множество темных или даже, попросту, уголовных элементов. Прочное гнездо свила себе среди анархистов и провокация: не было ни одной почти анархистской группы, куда бы не затесался провокатор. В результате этих внутренних причин и внешних преследований, анархистские группы к концу 1907 года почти исчезают в большинстве городов и проявляют себя лишь отдельными террористическими актами и вооруженными сопротивлениями при арестах. Число казенных анархистов в таких городах, как Варшава, Одесса и Екатеринослав, достигает многих десятков. Дольше всего держались анархисты в Екатеринославе, где их группы обнаруживаются еще осенью 1908 года.

Чтобы дать более конкретную картину деятельности русских анархистов, остановимся несколько подробнее на их работе в важнейших центрах: Белостоке, Екатеринославе и Одессе, отчасти также на Кавказе, в Москве и Варшаве. При всем однообразии анархистских методов, каждое из перечисленных мест представляло и некоторые особенности, более ярко проявляло те или иные типические черты русского анархизма.

В Белостоке анархисты на ряду с массой мелких экспроприаций у лавочников, которые они называли «захватом продуктов», проявляли себя, главным образом, экономическим террором, особенно во время стачек, и нападениями на полицию и военные патрули.

Проповедь экспроприаций и экономического террора, повидимому, встречала некоторое сочувствие среди полуремесленных рабочих, особенно во время безработицы, так как, не говоря уже о рассказах самих анархистских обозревателей и корреспондентов, местный комитет Бунда (т. е. еврейских с.-д.) уже с 1904 г. должен был не раз в своих прокламациях выступать против анархистов. Кажущийся успех экономического террора, выражавшийся в том, что напуганные убийствами и угрозами фабриканты уступали требованиям стачечников (особенно летом 1905 г., когда влияние анархистов было особенно сильным), привел к тому, что даже местные социал-революционеры и члены ППС[1] поддались влиянию анархистов и стали применять этот метод борьбы, под угрозой массового перехода их сторонников на сторону анархистов. Что касается Бунда, то он должен был выдерживать долгую и упорную борьбу с демагогией анархистов, выступавших на ежедневных импровизированных митингах, или на знаменитой белостокской «бирже»[2] и добившихся того, что бундовцы вынуждены были перенести свою «биржу» на другую улицу. И тем не менее, по свидетельству даже самих анархистов, деятельность анархической группы в Белостоке, где она наиболее была связана с массой, не превратилась в анархистское движение, а была все время чем-то посторонним движению пролетариата. Так, в пору своего наивысшего влияния, в мае 1905 г.. белостокская группа состояла из 60 вполне сознательных анархистов, и рабочие смотрели на эту группу, как на что-то «вроде бюро для поставки стачечной удачи», а в октябрьские дни вся предшествовавшая работа анархистов сошла на-нет, и рабочие, по призыву

---

[1] Т. е. националистической „польской соц. партии".

[2] Так назывались в 1905 г. летучие собрания и встречи рабочих ремесленников на определенных улицах городов Литвы и Белоруссии.

социалистических партий, об'явили всеобщую политическую стачку. И после того, констатирует анархистский корреспондент, «попрежнему масса продолжала проявлять очень мало боевой инициативы, попрежнему ее пассивность возмещалась деятельностью анархической группы». И вот, когда летом 1906 г., во время забастовки нитярей, несмотря на ряд бомб, брошенных анархистами в квартиры фабрикантов, эти последние, хотя и убежали за границу, «но, чувствуя за собой моральную поддержку всего, что было в Белостоке имущего, твердо стояли на своем и не уступали», — рабочие, «вместо того, чтобы нападать на фабрики, ждали, что сделают анархисты». В результате «стачка потерпела поражение, вместе с нею тяжкое, если не смертельное, поражение понесла и наша группа». Если прибавить к этому, что непрерывные нападения анархистов на полицию и солдат вызывали не раз кровавые репрессии на головы всего беззащитного населения, то «моральное поражение» белостокских анархистов станет еще понятнее [1]. И действительно, с тех пор белостокская группа не играет уже никакой роли, а с 1907 г. «все силы уходят на борьбу с провокаторами». «Провокация победила», и «группа распалась после того, как все ее активные участники были арестованы [2].

После Белостока главным центром русского анархизма стал Екатеринослав. В нем анархисты держались дольше, чем где бы то ни было в России, но с массой они были связаны еще меньше, чем в Белостоке, хотя и тут пользовались частично сочувствием, главным образом, на окрестных заводах. После краткого периода

[1] Во время одного из столкновений „биржи“ с казаками, летом 1905 г., анархисты бросили бомбу, несмотря на присутствие толпы рабочих. Бомба убила видную пропагандистку-бундовку.

[2] Мы цитируем здесь и дальше выходившие в эмиграции в 1906—08 гг. анархистские издания: „Альманах“, „Листки Хлеб и Воля“ журнал „Буревестник“ и др.

агитации на массовках и митингах, они уже 4 октября 1905 г. совершают первый акт экономического террора, убивают директора машиностроительного завода «за неудачную забастовку». И с тех пор непрерывной чередой тянутся акты экономического и антиполицейского террора, сменяясь лишь время от времени более или менее крупными экспроприациями и вымогательствами. Причем, в то время как в Белостоке анархисты вмешивались в экономическую борьбу рабочих, и нападения на фабрикантов имели целью вынудить уступки во время стачек, в Екатеринославе убийства мастеров, директоров и управляющих на заводах и в железнодорожных мастерских носили характер мести за увольнение стачечников, дурное обращение и эксплоатацию вообще. Был случай и «безмотивного террора»: собираясь бросить бомбу в министерский поезд и узнав, что министр не проедет, анархисты бросили бомбу в обыкновенный вагон первого класса, в «буржуазию вообще».

Но наибольшее количество нападений было сделано на низшую полицию (околоточных, городовых, стражников) и на казаков. В заявлении, посланном екатеринославской группой анархистов международному Амстердамскому анархическому конгрессу 1907 г., сказано, что за год с лишнем «работы» ею «было совершено около 70 террористических актов, кроме вооруженных сопротивлений, побегов и экспроприаций». Вместе с тем анархисты распространяли много литературы, на экспроприированные деньги устраивали типографии, в частности — большую типографию в пещере возле Ялты.

Смелость екатеринославских анархистов, совершаемые ими убийства полицейских и ненавистных мастеров привлекали к ним сочувствие менее сознательных заводских рабочих, а рабочие социал-революционеры стали к ним переходить с самого начала их деятельно-

сти. Но уже со второй половины 1906 г. начинается разгром екатеринославской группы, от которого она немного оправилась лишь к весне 1907 г. После того деятельность анархистов ослабела, но у них все же были связи во всем районе, и террористические акты продолжались до самой середины 1908 г. Однако, несмотря на энергию, с какой анархисты боролись против социал-демократов, несмотря на отдельные случаи сочувствия им со стороны рабочих, масса екатеринославского пролетариата неизменно шла за социал-демократами, что наглядно показали выборы во все четыре государственные думы.

Если белостокские анархисты после «дней свободы» принадлежали «чернознаменскому» направлению, а екатеринославская группа в вышеупомянутом заявлении Амстердамскому конгрессу называет себя внефракционной, то в Одессе в конце 1905 г. резко обозначились два течения: чернознаменцы и анархисты-синдикалисты. Первые отрицательно относились к каким бы то ни было рабочим организациям, верили исключительно «в чудодейственную силу террора» (по выражению одного анархистского писателя), устроили знаменитый взрыв в кофейне Либмана, который должен был означать начало «безмотивного» или «антибуржуазного» террора, а впоследствии занимались почти исключительно мелкими экспроприациями, «налетами» и «мандатами», т. е. рассылкой угрожающих писем с требованием денег. Эти «налеты», весьма часто провокаторского происхождения, выродились в обыкновенный бандитизм, и очень трудно бывало различить, где кончается идейный анархист и где начинается обыкновенный хулиган, сутенер или провокатор. Даже в тюрьме, по свидетельству анархиста Михаила Знаменского, эти анархисты вступали в тесный союз с уголовными и натравливали их на политических заключенных («Альманах», стр. 152).

Другое течение — синдикалисты, во главе которых летом 1905 г. стоял Гершкович, а в 1906 г. талантливый анархист Новомирский, издавший за границей в октябре 1905 г. газету «Новый Мир», а в Одессе в 1906 г. один номер газеты «Вольный Рабочий» — резко отличались от чернознаменцев. Они вступали в беспартийные рабочие организации и признавали борьбу за частичные улучшения, но, конечно, при помощи экономического террора. Они прославились участием в забастовке моряков одесского порта, вызванной закрытием так называемой «регистрации», т. е. профессионального союза моряков. Что они пользовались сочувствием части моряков, видно из того, что их представитель был введен в стачечный комитет, несмотря на протесты социал-демократов.

Приняв участие в стачке, они стали применять в грандиозных размерах саботаж, т. е. взрывы пароходов, а также экономический террор. Их влияние было так велико, что социалисты-революционеры должны были согласиться на взрыв одного из пароходов, под тем предлогом, что этот акт «может сойти за акт политического террора». Но эта же забастовка наглядно показала рабочим всю безрезультатность экономического террора. Забастовка окончилась поражением, и влияние анархистов-синдикалистов сразу исчезло. Анархисты-синдикалисты совершили также несколько крупных и громких экспроприаций. Но вот что пишет об этом упомянутый Михаил Знаменский: («Альманах», стр. 151): «Если чернознаменцев погубило отсутствие средств, необходимость ряда мелких экспроприаций, то, наоборот, причиной гибили группы синдикалистов явилась наличность крупных денежных сумм. Лишь только, после крупной экспроприации на пароходе «София», лучшие из них были выбиты из строя, в их группе начался «денежный разврат». Группа разлезлась, деньги

уплыли, и в первую половину 1907 г. группа «анархистов-синдикалистов» прекратила свое существование».

Таким образом, три главных центра русского анархизма, Белосток, Екатеринослав и Одесса, создали и три наиболее распространенных типа русских анархистов: еврейского ремесленника, большей частью почти мальчика, нередко искреннего идеалиста и смелого террориста; заводского рабочего-боевика, непосредственную натуру, который, как екатеринославец Федосей Зубарь, «ни одной книги не прочел, но в душе — анархист», ненавидевший всякую власть, «до боевого стачечного комитета включительно» («Буревестник», стр. 21, № 9), и наконец, одесского «налетчика» — деклассированного прожигателя жизни. Белостокские анархисты с гордостью рассказывают, что им удалось профессионального вора (Шпиндлер, впоследствии казненный) превратить в идейного анархиста; зато в Одессе анархисты становились часто вульгарными бандитами и ворами. Если мы к этим трем типам прибавим еще интеллигента, обыкновенно бывшего социал-демократа или социал-революционера, оратора и демагога, а также крестьянина, как Михаил Рыбак, поджигающего помещичьи усадьбы или вступающего в группу «лесных братьев», то галлерея анархистских типов будет почти исчерпана.

Соединение разновидностей одесского и белостокского анархизма мы находим в Варшаве. Еще в 1905 г. анархисты участвовали там в громкой стачке пекарей, причем применяли саботаж, взрывая печи и обливая тесто керосином. Им удалось даже захватить в свои руки одну пекарню. Испуганные хозяева уступили. Зимой того же года была брошена бомба в банкирскую контору, а затем в кофейную гостиницы «Бристоль». Эти акты «безмотивного» террора приписывались в свое время провокации. Зимой, 1906 г. анархисты снова применяли саботаж и экономический террор при стачке пор-

тных. То же самое произошло при стачке механических сапожников летом 1907 г., причем рабочие захватывали в свою пользу обувь и материал, а в квартиры хозяев был брошен ряд бомб. Терроризированные хозяева в обоих случаях пошли на уступки; но вслед за экономическими уступками следовали жестокие полицейские репрессии. По количеству казненных анархистов с Варшавой могут соперничать лишь Екатеринослав и Одесса. В январе 1906 г. в Варшаве было даже казнено, после страшных пыток, 16 анархистов без суда...

От боевого и экспроприаторского анархизма южной России и Польши сильно отличался центр «северного» анархизма — Москва, в которой с 1905 г. до 1907 г. сменили друг друга несколько групп («Свобода», «Свободная Коммуна», «Безвластие» и др.). Москва была центром литературно-издательской деятельности анархистов-интеллигентов, выпустивших здесь в легальных типографиях довольно много книг и брошюр. Среди рабочих московские анархисты, имевшие много общего с синдикалистами, вели устную пропаганду, выступали на митингах, а также участвовали в «союзе безработных». Но попытки вооружать безработных и раздача им помощи из экспроприированных денег встретили резкий отпор со стороны рабочих социал-демократов. Попытки экспроприаций и террористических актов были немногочисленны и почти всегда неудачны. Все сменявшие друг друга группы были уничтожены полицией еще до 1908 года.

Наконец на Кавказе, в частности в Грузии и Баку, мы встречаем все виды анархизма: и мирно-пропагандистский, до легальных газет включительно, и экспроприаторско-боевой, переходящий в мелкое разбойничество и вымогательство. В грузинском анархизме знаток его Оргеиани («Альманах») различает две полосы: «в дни свободы» широко развилась идейная пропаган-

да анархизма, особенно в Тифлисе и Кутаисе, где в то время хозяевами положения были социал-демократы. При наступлении реакции, анархизм выродился в беспринципное экспроприаторство. Новый под'ем анархизма наступил весной и летом 1906 г. — это период легальных газет. Но он продолжался недолго, и со второй половины этого года почти совершенно исчез, уступив место грузинскому национализму. — В Баку же, где анархизм, при своем появлении в 1906 г., имел шумный успех, он очень скоро выродился в «анархизм» одесского типа, осложненный кавказскими условиями: к «эксам» и «мандатам» присоединилось похищение детей для получения выкупа — и все это при несомненном участии полиции и провокации.

Какой общий вывод можно сделать относительно распространенности анархизма в России, в период его расцвета? Ввиду того, что сведения об этом можно найти почти только у анархистов, а это — источник крайне ненадежный, так как они более всех других революционных партий склонны к преувеличениям и к переоценке своей роли и значения, — ответ может быть весьма неопределенный и приблизительный. Конечно, можно лишь с улыбкой относиться к таким, например, заявлениям анархистских корреспондентов, что в Петербурге летом 1906 года «идеи анархического коммунизма в настоящее время окончательно привились к широким массам. Такие два революционных и многолюдных завода как Речкинский и Семянниковский, являются ячейками самостоятельных организаций рабочих анархистов-коммунистов» («Буревестник», № 3); это говорится про Петербург, где анархизм никогда не играл сколько-нибудь заметной роли, быть может, благодаря большей культурности и политической зрелости петербургского пролетариата; конечно, также преувеличены сообщения о Екатеринославе или Москве, где анархизм будто бы тоже «окончательно» овладел

умами рабочих, или о Баку, где после трех месяцев работы в рядах анархистов оказалось, якобы, 2 800 рабочих. Более вдумчивые анархисты должны были сами признать уже летом 1906 г., т. е. после эпохи наивысшего под'ема анархистской агитации, что «после двухлетней, упорной и крайне тяжелой работы в подсчете оказался следующий, весьма плачевный результат: в России имеется довольно много анархистов, но нет анархистского движения». И тем не менее, несмотря на эти оговорки, нужно признать, на основании всего имеющегося материала, что анархизм в 1906—07 гг. был гораздо более распространен у нас, чем это обыкновенно думают, и составлял серьезную опасность для рабочего движения.

Одним из внешних, об'ективных показателей количества анархистов может служить их тюремная статистика. Так, в Екатеринославе, весной 1908 г. находилось в тюрьме более ста «групповиков», т. е. членов местной анархической группы, и много «сочувствующих». В Одессе за 1906-1907 гг. было осуждено военными судами 167 анархистов, из них 28 было казнено. В том числе, 99 человек были чернознаменцы, а 12 — синдикалисты, при чем около 80 приговоров было вынесено за экспроприации и вымогательство («Буревестник», № 10-11). В конце 1907 года большой процент составляли анархисты и в целом ряде других тюрем (напр., в Киеве — 83 человека) [1]. Между тем социал-демократическая пресса, хотя и вела с ними борьбу (например, в районе Бунда, а так же в Москве, Екатеринославе, на Кавказе), но недостаточно оценивала размеры их влияния и может быть, по тактическим соображениям, даже сознательно замалчивала его.

---

[1] Хотя, конечно, на каторге и в ссылке процент анархистов был весьма незначителен, в сравнении с социал-демократами и социалистами-революционерами.

Чтобы найти причины этого относительного распространения анархизма в России, недостаточно ограничиться общими условиями данного времени: хроническим кризисом и безработицей, вызванными войной и контрреволюцией, а также видимой неудачей политического освободительного движения, распадом и разложением революции, благодаря чему находилась почва для проповеди о бесцельности политической борьбы. Эти условия, об'ясняющие в общем и целом кратковременный успех всех аполитических учений в эпоху 1906-07 гг., не могут об'яснить ни того, почему анархизм стал распространяться еще до революции, ни той легкости, с какой многие социал-демократы становились анархистами.

Чтобы понять эти явления, надо вспомнить, прежде всего, что предреволюционные и революционные годы застали рабочие массы в России на крайне низкой ступени развития и что разрушительные формы борьбы, свойственные элементарным, примитивным формам рабочего движения (физические насилия над хозяевами, разгром фабрик и т. д.), были и раньше довольно распространены у нас, что и дало повод анархисту Рогдаеву на амстердамском анархическом конгрессе указывать на Россию, как на страну, особенно благоприятную для развития анархизма. Культурный уровень рабочих в таком, например, центре, как Белосток, где уже много лет велась пропаганда социалистическими[1] партиями, был так низок в 1903/04 гг., что, по свидетельству профессионального органа «Бунда» (цитирую по русскому переводу в женевском большевистском «Пролетарии», № 29), даже «реабилитация воровства», которой занялись там анархисты, встрети-

[1] „Социалистическими“ партиями мы для краткости называем как пролетарских с.-д., так и мелкобуржуазных демократов, выступавших под социалистическим знаменем. Все они отличались от анархистов тем, что признавали и вели политическую борьбу.

ла благодарную почву среди малосознательных рабочих, и «кража товаров с фабрики стала делом обычным и освященным пропагандой белостокских анархистов». Это же отсутствие сознательности и организационных навыков об'ясняет как ту легкость, с какой некоторые рабочие признавали экономический террор, в качестве наиболее верного средства борьбы, особенно, когда запуганные капиталисты (что бывало чаще всего с мелкими хозяйчиками) на время уступали, так и, наоборот, то быстрое разочарование и уныние, какое овладевало теми же рабочими, если капиталисты не поддавались на угрозы и террор или же отвечали локаутами. Эту смену веры в спасительность экономического террора, проповедываемого анархистами, резким разочарованием и даже злобой против тех же анархистов, — при первых неудачах, — можно наблюдать во всех центрах русского анархизма.

Мы уже видели со слов самих анархистов, какую роль играл экономический террор в Белостоке. Это подтверждает и вышеупомянутая статья в бундовском органе «Профессиональная жизнь»: «Анархисты сделались грозою местных хозяев. Достаточно было упомянуть, что стачкой руководит «группа», — хозяин или удовлетворял требования, или покидал город. Престиж анархистского кулака поднялся и в глазах рабочей массы. Толковали, что по части ведения стачек пальма первенства принадлежит «группистам», что, благодаря применению «энергичных» мер со стороны последних, всякая забастовка кончается успехом. Но вот зато, по сведениям Бунда, какова была конкретная картина того «морального поражения» после неудачной стачки прядильщиков летом 1906 г., о которой глухо говорит не раз уже цитированный сотрудник анархистского «Альманаха»: «Выброшенные на улицу рабочие подняли бурю, изливая гнев на анархистов, считая их виновниками своего поражения. Рабочие дошли до того,

что пресмыкались перед хозяевами, молили об открытии фабрик, обещая вести себя тише воды, ниже травы. Одному фабриканту, уступившему мольбам рабочих, устроили целую овацию: качали, кричали «ура» и т. д. («Пролетарий», там же).

В Екатеринославе, и особенно в его предместьях, рабочие, по словам анархистов, говорили: «Социал-демократы столько лет работают, все ничего сделать не могут, анархисты только что появились, а уж сколько сделали!». А митинг рабочих Брянского завода вынес даже будто бы резолюцию в пользу экономического террора и против социал-демократов. Но летом 1908 г. корреспондент «Буревестника» должен признать печальные последствия экономического и политического террора в том же Екатеринославе, проявившиеся в форме угроз локаутами и погромами, и трудность вести какую-либо работу, хотя, дескать, у них не было «вакханалии грабежей и налетов á ля Одесса, дезорганизовавших мало-по-малу мирное массовое движение на руку правительственной реакции» («Буревестник», № 13, стр. 19). Отметив мимоходом столь странно звучащее в устах анархиста неодобрение дезорганизации «мирного массового движения» в Одессе, перейдем к этой последней. Мы уже отметили популярность экономического террора в забастовке моряков; указали и на то, как неуступчивость хозяев повела к полному падению престижа анархистов среди моряков. Но раньше того, убийство рабочим-анархистом Покотиловым директора Южно-Русского общества печатного дела Кирхнера, стоявшего по убеждениям «левее кадетов», заставило акционеров уступить требованиям бастовавших рабочих; это так увеличило популярность анархистов, что работницы одесской городской прачечной послали им наивное и трогательное письмо, как «товарищам более влиятельным на этих сволочей, которые пьют кровь из бедных рабочих и работниц»; в этом письме, жалуясь на притеснения заве-

дующего, они просили «этому паразиту прислать отдельно письмо угрожающее», не «оставить их без защиты» и «хоть напужать наших паразитов, пьющих нашу кровь» («Буревестник» № 8, стр. 22). Помещая это послание, редакция «Буревестник» была принуждена снабдить его комментарием, где говорит, что задача анархистов состоит не в том, чтобы действовать «вместо самих угнетенных и оскорбленных». Наконец, киевская группа анархистов-коммунистов, по тому же вопросу об экономическом терроре, пришла к заключению, «что в тех случаях, когда после террористических выступлений следовало увольнение рабочих, закрытие предприятия и пр., та же самая масса, в которой отзывчивые товарищи готовы были видеть друзей анархизма, немедленно обращалась в его врагов». («Анархист», № 3, стр. 31).

Привлекая малосознательных или доведенных до отчаяния рабочих мнимыми успехами экономического террора, а подчас и смелыми нападениями на полицию, анархисты в своей пропаганде среди членов социалистических партий нередко пользовались действительными слабостями этих последних (равно как и их взаимной борьбой). Прежде всего, интеллигентский состав «комитетов» и централизм социалистических организаций не раз и до появления анархистов вызывали создание разных «оппозиций». Этим и воспользовались анархисты. В огромном большинстве мест к анархистам переходили именно эти «оппозиционные» группы социалистов-революционеров и социал-демократов. Озлобление против «комитетчиков», против «генеральства» чаще всего выставляется в анархистских корреспонденциях в качестве причины перехода к ним части «партийных» рабочих.

К этому присоединилось еще то обстоятельство, что русские социал-демократы (главным образом меньшевики), а особенно социалисты-революционеры, в своей политичєской агитации слишком розовыми красками

описывали европейские «свободы». Конечно, в социал-демократических пропагандистских брошюрах излагалось истинное положение рабочего класса в Западной Европе, но в повседневной агитации часто не соблюдалась надлежащая перспектива. И вот, целый ряд биографий русских анархистов, не только рабочих, но и интеллигентов, приводит в качестве решающего момента их перехода от социализма к анархизму именно их приезд за границу и ознакомление с политическим режимом европейских государств и с положением в них пролетариата. Наиболее экспансивные натуры надеялись найти в Европе осуществление многих своих идеалов, и, разочарованные, не умея оценить всю колоссальную разницу европейских и русских порядков, склонны были обвинять своих учителей в обмане и часто становились анархистами. Приезжая в Россию, они, конечно, свою анархистскую агитацию подкрепляли личными «наблюдениями» и производили впечатление на рабочих. Чрезвычайно любопытный образчик этого влияния «заграницы» на недостаточно развитых социалистов с боевым темпераментом представляет помещенная в № 5 «Буревестника», статья известного потемкинца [1] Матюшенко «Своим бывшим учителям». Рассказывая о своей высадке в Румынию, он говорит: «Стал я возле своих вещей и задумался... Я не заметил, как ко мне подошел социал-демократ доктор Раковский. «Я вас давно ищу, — заговорил он, кладя мне руку на плечо, — вас теперь нужно поздравить: вы теперь в свободной стране». Мы поцеловались. Посмотрел я на окружающую нас толпу румын. Вижу — не свободные это люди; свободный человек высоко и гордо держит голову... Кругом нас стояла толпа людей с измученными лицами, грязная, оборванная; не похожа она была на свободных

[1] Т. е. матроса с восставшего броненосца „Потемкин“, укрывшегося в Румынии.

людей, скорее можно было подумать, что это рабы... «Где же свобода? — сказал я Раковскому, — не вижу я ее: разве в свободной стране могут быть богатые и бедные? Разве в свободной стране люди не живут, как братья? Разве в свободной стране должны быть полиция и войско?.. Не такой свободы хотели мы; избави нас, господи, от такой свободы у нас в России, такой свободы везде сколько хочешь».

Такие факты, как расстрел рабочих войсками в Лиможе (во Франции) летом 1905 г., давали анархистам материал для десятка статей и прокламаций против политической свободы и социалистических партий. Одна из таких прокламаций, выпущенная группой «Безначалие» еще летом 1905 г., оканчивается так: «Блажен тот, кто бросит бомбу в земский собор в первый же день открытия его заседаний!» И в устной пропаганде и агитации анархисты, по их же словам, начинали с того, что старались посеять недоверие к политическим свободам, за которые приглашали бороться социалистические партии. Неудача революции и крушение тех надежд, какие питала в революционные месяцы агитация социалистов, конечно, главным образом, содействовали относительному успеху анархистов в 1906/07 гг. среди некоторых групп рабочих, но часть этого успеха надо отнести и на счет недостаточности социалистического воспитания и образования не только у рядовых социал-демократов (не говоря уже о социал-революционерах), но и у большинства «комитетчиков». Как ни относиться к чудовищным, подчас преувеличениям и хвастовству анархистских корреспондентов, но все же несомненно, что социал-демократы бывали часто не на высоте положения, ставились втупик приезжавшими из-за границы анархистами-ораторами и не умели должным образом отвечать на их демагогическую агитацию... И неудивительно, что такие даровитые анархисты, как Стрига в Белостоке, Гросман в Екатеринославе или Новомирский в Одессе, соблазняли

на время некоторое число рядовых членов социалистических партий.

Впрочем, в борьбе с «демократическими» партиями, т. е. главным образом с социал-демократами, анархисты не останавливались ни перед какими средствами, а «безначальцы» проповедывали прямо истребительную войну против них. Дело доходило до того, что уже летом 1905 г. московская группа анархистов, выражая свое сочувствие группе «Безначалие», тем не менее протестовала против того, что всех социалистов без различия фракций она называла «политическими шулерами». Социал-демократы, конечно, не оставались в долгу, и мелкие экспроприации, совершаемые анархистами, назывались обыкновенным воровством и бандитизмом, что нередко, впрочем, бывало вполне заслуженно, как впоследствии констатировали и многие анархистские корреспонденты и обозреватели. Борьба доходила и до физических насилий. Один из кореспондентов анархических органов с гордостью рассказывает, что анархисты небольшого города Западного края бросили бомбу в окно одного «буржуа», в квартире которого в это время заседал местный комитет Бунда; бомба упала на колени одному из «комитетчиков», но не разорвалась. В Кутаисе, рассказывает Оргеиани («Альманах», стр. 94), анархисты с оружием в руках ворвались в редакцию с.-д. газеты «Шикрики» и взяли с нее «штраф» в 500 рублей «за распространение заведомо ложных клевет против людей, преследуемых реакцией и находящихся в опасности» (вероятно, «клеветы» эти были такого же рода, как те, которые в той же статье бросает сам Оргеиани, говоря, что для многих «анархистов» экспроприации просто служили выгодным ремеслом, «хотя и сопряженным с большим риском» (стр. 103-104).

Анархисты много писали и резко возмущались по поводу убийства в Польше нескольких анархистов своими бывшими товарищами рабочими, членами ППС,

которые видели в них «воров и эксистов». Но сами же они ставят себе в заслугу убийство на Кавказе двух рабочих социал-демократов и одного — члена партии дашнакцутюн (революционных армянских националистов) «за шантаж» («Буревестник», № 4, стр. 16). Наконец, в Баку между анархистами и дашнакцутюнами происходила настоящая кровопролитная война. Анархисты убили директора завода, «чуть ли не члена партии дашнакцутюна». Его товарищи из мести убили «руководителя анархистов», литератора, и, кроме того, «расстреляли» нескольких анархистов за экспроприации. Тогда анархисты об'явили войну партии дашнакцутюн, в результате которой были убиты 17 человек партии и 11 рабочих анархистов». Рабочая масса была, по словам корреспондента, на стороне анархистов, и на похороны убитых анархистов стеклось множество народа («Анархист», № 1, стр. 37).

Несмотря, однако, на временный успех русского анархизма среди некоторых групп рабочих и деклассированной интеллигенции в годы, непосредственно следовавшие за революцией, он с самого начала носил в себе неизбежные элементы своего будущего вырождения и разложения [1].

Мы уже видели, что непрерывный экономический террор приводил, в конце-концов, к закрытию фабрик, локаутам и к озлоблению рабочих против анархистов. Массовый политический, главным образом, антиполицейский террор вызвал такие репрессии, обрушившиеся на всех рядовых обывателей, что и анархистам стало невозможно проявлять свою деятельность. При этом так называемая «децентрализация» террора не спасла анархистов от таких грандиозных провалов, как одновременный

[1] И это независимо от общих условий контрреволюционной эпохи, от которых так тяжело пострадали все демократические и социалистические партии.

арест в разных городах 75 человек по делу «Боевой Интернациональной группы А.—К.». Само собой разумеется, что решающую роль в этих провалах сыграла провокация, которая всегда является неизбежным спутником подобных террористических организаций и которая уже в 1906 г., а особенно с 1907 г., свила себе прочное гнездо почти во всех анархистских группах.

Но больше всего содействовали быстрому разложению русского анархизма экспроприации и вымогательства. Это констатируют почти все без исключения анархистские писатели, на это уже с конца 1906 г. настойчиво указывают многие корреспонденты анархических газет, жалуясь на «печальные последствия эксов». Прежде всего, экспроприации, особенно мелкие, как «деятельность» наиболее доступная и дающая наиболее «осязательные» результаты, больше всего привлекали к себе анархистов, а к анархистам — массу темных личностей. Как ни отгораживали себя от обыкновенных грабителей и вымогателей разные анархистские группы — в прессе, прокламациях и на судах, как ни боролись они с «индивидуальным эксаторством», т. е. с присвоением захваченных денег в пользу самих «эксистов», доходя до угроз смертью и убийств включительно, — все было напрасно: по собственному признанию многих анархистов, их все труднее становилось отличать от простых бандитов и хулиганов [1].

Кроме того, как это выяснилось из позднейших судебных процессов, провокаторы принимали участие в анархических «актах» и «делах» не только для того чтобы

---

[1] Вот одно из многочисленных признаний такого рода, любопытное по своей наивности: „рабочий синдикат тифлисских анархо-коммунистов доводит до сведения товарищей и общества, что отныне он отказывается от экспроприаций капиталов путем бланков и писем. Опыт показал, что такая тактика, не достигая цели, плодит лишь шантажистов“ („Листки Х. и В.“ № 3, от 28 ноября 1906 г., стр. 6).

выдать их полиции, но и для того, чтобы самим воспользоваться захваченным добром и «прожигать жизнь» вместе со своими «товарищами», как это было, например, в петербургской студенческой группе «анархистов», основанной провокатором, процесс которой обнаружил столько скандальных подробностей. Так было и в Одессе, и на Кавказе, и в целом ряде других мест. Наконец, «денежный разврат» проникал и в среду настоящих анархистов. Бесконтрольное распоряжение крупными суммами все более соблазняло неустойчивые натуры. «После каждой крупной экспроприации, — пишут из Одессы «Буревестнику» (№ 10—11, стр. 23), — группа увеличивалась, и часто такими «товарищами», у которых только разгорались аппетиты легкой наживы и спокойного отдыха». Дальше приводится ряд примеров, как такие «товарищи» под разными предлогами забирали себе крупные суммы и уходили в «мирное житие». И если одесская группа анархистов-синдикалистов ограничилась вынесением смертного приговора одному такому «товарищу», то симферопольская убила двух своих членов за «растрату групповых денег» («Буревестник». № 8, стр. 21)[1].

Таким образом, несмотря на множество отдельных самоотверженных и смелых актов, несмотря на ряд фигур с чрезвычайно тонкой и чуткой нравственной организацией, русский анархизм разложился и сгнил морально раньше, чем он был истреблен правительством. Но и процессом своего разложения он повредил русскому ра-

[1] Присвоение анархистами „групповых“ средств было таким распространенным явлением, что уже в первом номере „Бурев.“ от июля 1906 г. говорится об этом следующее: „А тут еще одно неизбежное следствие пропаганды воровства. Многие, даже из хороших и в общем сознательных работников, считали себя вполне правыми, если большую часть из денег, экспроприируемых для групповых нужд, они клали себе в карман. Среди групп развивалось самого низкого пошиба дебоширство“ (стр. 10).

бочему движению не меньше, чем своими успехами. И может быть, немалая доля истины заключается в похвальбе екатеринославских анархистов, высказанной летом 1908 года, что они, наравне с правительством, содействовали распаду местных профессиональных союзов («Бурев.», № 13, стр. 18). Относительно Белостока эту же мысль высказывает и Бунд весной того же года в вышецитированной статье: «Следы деморализации и разложения, внесенных «группой» в рабочую массу, остались: доверие к какой-либо партии вытравлено. Настроение большей части рабочих подавленное».

Теоретические основы русского анархизма в общем представляли мало оригинального и очень немногим отличались от анархизма общеевропейского. Это и неудивительно, так как главное течение европейского анархизма, так называемое «бакунинско-кропоткинское», и было то, на котором воспитались первые «поколения» русских анархистов 900-х годов: его они и распространяли в России как через посредство собственных сочинений Бакунина и Кропоткина, так и в статьях ряда молодых анархистов, как Ветров, Новомирский, Гросман, Рогдаев, Раевский, Дубинский, Оргеиани и др. Здесь мы встречаем ту же «критику» социализма (состоящую, главным образом, в том, что вместо подлинного революционного социализма читателю рисуют продукт собственного воображения или деятельность заведомых оппортунистов, с которыми, конечно, победоносно расправляются), то же возвеличение «люмпенпролетариата», босяков, ту же проповедь немедленной социальной революции, то же отношение к политической борьбе, к парламентаризму, демократии и так далее. При этом так же, как у их европейских собратьев, во всех теоретических и программных построениях русских анархистов той эпохи царила полная «анархия»: каждый из них изображал как взгляды социалистов (которых они называли «авторитарными» или «государственными» социалиста-

ми), так и анархистские идеалы, — согласно собственной фантазии. В одном, правда, все они сходились: это в том, что социалисты (т. е. главным образом, марксисты) являются ярыми поклонниками государственной власти, желают современное государство сохранить на вечные времена и в социалистическом строе предполагают оставить экономическое неравенство. Главное отличие «анархического коммунизма» от «авторитарного» социализма или «коллективизма» (современного научного социализма) все без исключения русские анархисты видят в том, что анархизм отрицает всякую государственную власть и на место якобы социалистического принципа распределения: «всякому по труду» — ставит «коммунистический»: «от всякого по способностям, всякому по потребностям».

Вот как изображается социализм в «научном» анархистском произведении (И. Ветров, «Очерк социальной экономии с точки зрения анархического коммунизма»).

«Авторитарные социалисты совершенно правильно полагают, что производство общественно-необходимых вещей должно быть устроено на централистических основаниях, но они не могут себе представить правильно и хорошо функционирующего централистического промышленного или научного предприятия без бдящего ока жандармов, полиции, суда и даже народной милиции. Они считают всех людей прирожденными лентяями и злодеями вопреки фактам ежедневной жизни даже текущего дня».

«Социализм», — пишет Новомирский («Новый Мир» № 1, стр. 5), — оставляет наемный труд и неравенство заработков, а, главное, он оставляет государственную власть и тем сохраняет последнюю антагонистическую форму деления людей на управляющих и управляемых, правителей и подданных. Он готов наложить свою руку на частного капиталиста, но почтительно останавливается перед полицейским и чиновником». Дальше начинается «анар-

хия»: Новомирский, в своей критике социализма, становится целиком на точку зрения — «махаевцев», а «Бунтарь», «Буревестник», «Листки Хлеб и Воля» энергично выступают против этой теории[1]. «Бунтарь» (№ 1, 1906 г., стр. 13) говорит про «коллективизм», что он «вносит дух торгашества не только тем, что оставляет «мое» и «твое», но тем, что способствует лени (?), опошливает великий дар человека — труд»; а Ветров, напротив, в вышеупомянутой книжке (стр. 39), возводит на социализм следующее изумительное обвинение: он, дескать, не только стремится уничтожить частную собственность на средства производства, но и «хочет все предметы подчинить институту общественной собственности, — не только землю и орудия труда, но и домашнюю мебель, любимые каждым книги, письменные принадлежности, комнатные украшения, карманные вещи и тому подобное». Совсем, как в вульгарном буржуазном памфлете, рассчитанном на самого невзыскательного читателя.

Правда, иногда наши анархисты, находившиеся под влиянием марксизма (самые талантливые из них даже вышли из рядов социал-демократии) сами вынуждены бывали признать, что марксисты рассматривают государство, как организацию классового господства, сами цитировали слова Энгельса о будущем исчезновении государства; но в таких случаях они об'ясняли это лицемерием и желанием обмануть рабочих. Так же поступали они и с вопросом о «неравенстве заработков» в социалистическом обществе. Указывая, что Маркс и многие марксисты конечным идеалом социализма считали распределение продуктов «по потребностям», а распределение «по труду» рассматривали лишь, как переходную меру, они и тут видели желание усыпить рабочих

[1] „Махаевцами" называлось в то время направление (по имени ее основателя—Махайского), которое главной своей задачей ставило борьбу против интеллигенции, в том числе—революционной и социалистической.

картиной туманного идеала, с тем, чтобы в конкретной действительности ввести «неравенство». Любопытно, что это обвинение социализма в желании сохранить «неравенство доходов» в будущем обществе оказалось самым сильным козырем в руках наших анархистов, к которому они постоянно прибегали и в литературе, и в устной агитации, особенно охотно цитируя при этом Каутского как «принципиального» сторонника распределения «по-труду», хотя всякому должно быть ясно, что та или иная форма распределения есть лишь простой вопрос целесообразности, с которым легко справится освобожденное от классового строя общество: на различии принципов распределения нельзя строить отличие анархизма от социализма.

Но, посвящая чрезвычайно много энергии и усилий мало добросовестной критике научного социализма и социалистического идеала, теоретики и публицисты русского анархизма крайне были скупы на точные и подробные определения того, что они считают анархическим идеалом общежития. Мы слышали от них очень часто про то, чего они не хотят, но очень мало осведомлены на счет того, чего они хотят. И как раз те вопросы, которые особенно много места занимали в спорах более развитых анархистов друг с другом и с социал-демократами, — вопрос о формах будущего общества и его отношении к личности, об организации производства, словом, о том, что такое анархическая коммуна, — совершенно почти не разработаны в литературе наших анархистов. Очевидно, теоретики их, вкусившие от марксистского древа познания добра и зла, понимали всю рискованность для самой идеи анархизма детального рассмотрения этих вопросов. И там, где они решались все же подходить к ним, получались или общие места, вроде заявления, что буржуазное государство превратится «не в социальную республику, а в рабочее общество, в свободный союз свободных рабочих

ассоциаций» («Новый мир» № 1, стр. 5), или же... знакомая нам «анархия». В самом деле, как мы уже видели, по мнению Ветрова, «авторитарные социалисты совершенно правильно полагают, что производство общественно-необходимых вещей должно быть устроено на централистических основаниях»; а Максим Дубинский из «Буревестника» (№ 6-7, стр. 14) считает основными производственными единицами будущего общества «группы, слагающиеся из лиц одного ремесла и симпатизирующих друг другу», причем «этот последний факт, т. е. группировка не только по профессиям, но и по симпатиям (подчеркнуто автором Б. Г.), не случайный, не придаточный элемент коммунизма; он один из фундаментов, одно из коренных условий, без которого сама анархистская коммуна немыслима». Таким образом, «современное общество распадается на составные элементы: централизованная страна делится на независимые области, дробящиеся в свою очередь на еще более мелкие территориальные единицы, коммуны», а коммуны и образуются из союза основных групп, подобранных по «симпатиям». Далее, коммуны этого впавшего в варварство общества обмениваются между собою своими излишками, следовательно, все необходимое изготовляют для себя сами. Наконец, в «решениях анархистской коммуны не может быть и речи о большинстве и меньшинстве»: члены ее, подобно английским присяжным, должны все вопросы решать единогласно, а при отсутствии единогласия откладывать вопросы до возникновения такового.

Это — едва ли не единственное место во всех органах русских анархистов того времени, где дается определение анархической коммуны; но как можно согласовать с этой патриархально-идеалистической картиной необходимость, по Ветрову, централистического производства, — это вряд ли об'яснит нам самый искусный анархистский «диалектик».

Правда, есть одно анархистское произведение, где дается подробный анализ понятия анархической коммуны, с экономической, политической и правовой точек зрения; но этот анализ убийствен для анархизма. Мы имеем в виду появившуюся в 1907 г. книжку «Что такое анархизм?» Новомирского, основателя и деятельного участника «Южно-русской группы анархистов-синдикалистов». Издав в 1905 г. № газеты «Новый мир», а в 1906 г. в Одессе «Вольный рабочий» (синдикалистского направления), он пришел в конце концов к довольно туманному анархическому индивидуализму. Но эта новая точка зрения дала ему возможность взглянуть на анархический коммунизм с таких сторон, которые резко раскрывают все его слабые места, обнаруживают всю его внутреннюю несостоятельность. Вообще говоря, индивидуалистический анархизм, которым у нас одно время сильно увлекались разочаровавшиеся в революции интеллигенты, имеет то преимущество, что он наиболее неуязвим и недоступен логической критике; но зато же он абсолютно неприложим в действительной жизни и поэтому совершенно безобиден и никакого влияния на рабочих не имел[1]. Другое дело интересная и талантливо написанная книжка Новомирского: она поучительна для нас тем, что составлена анархистом-теоретиком, публицистом и видным практиком, и дает жестокую критику именно тех сторон анархического коммунизма, которые, по мнению наших анархистов, столь выгодно отличают их от «авторитарных» социалистов: таковы — абсолютная свобода личности, идея свободы договора, отсутствие судов и наказаний и т. д. Поэтому

[1] Анархист Забрежнев на амстердамском конгрессе посвятил главным представителям индивид. анархизма в России, особенно Боровому, отдельный доклад, где доказывал, что это учение не является ни последовательным индивидуализмом, ни последовательным анархизмом; но критика его в значительной мере бьет мимо цели.

мы считаем полезным привести из нее довольно длинные выдержки.

«Отрицает ли анархический коммунизм идею наказания? — спрашивает Новомирский. — «Ни в каком случае. Отрицается идея физической кары, но никогда анархисты-коммунисты не отрицали, да и не могут отрицать, оставаясь коммунистами, нравственного порицания, которое обладает уже теперь неимоверной карательной силой. Наконец, остается про запас еще такое ужасающее средство репрессии, как изгнание из коммуны. Нужна непростительная доля легкомысленной наивности, чтоб не видеть в этом изгнании кары, иногда равносильной смертной казни. Смешными должны поэтому казаться анархистам-коммунистам все сетования и лицемерные жалобы социалистов, что анархическая коммуна беззащитна против «произвола» отдельной личности. Коммунистическое общество имеет в своем распоряжении не менее страшное оружие в борьбе с «преступностью», чем современная буржуазия» (стр. 43).

И далее: «Нарушение обычая или договора раньше, чем подлежать наказанию, должно быть доказано и констатировано. Поэтому свободный договор, обычай — мертвая буква без суда. Анархический коммунизм, резко отрицая современный классовый суд, создает и укрепляет другую форму суда — суд третейский» (43-44). Но напрасно, по мнению автора, многие анархисты «хотят уверить себя, что третейский суд не авторитарное учреждение, а совещательное». Нет, «третейский суд не только суд, но и таит в себе самые ужасные пороки этого позорного учреждения». Мало того: «третейский суд берет на себя непростительную, бестыдную дерзость делать свои решения окончательными», роется в наших чувствах и так далее. «Но может ли анархическая коммуна отказаться от третейского суда? Нет, не может, потому что он краеугольный камень этого общественного строя жизни». — «Как бы общество ни относилось тер-

пимо к свободе личностей, составляющих его... оно в интересах самосохранения, в интересах личностей, должно создать некоторую узду для произвола его (их?)» (54 и 55). Да и самая идея свободного договора есть идея правовая: «всякий договор необходимо предполагает правовое разграничение интересов и внешнее принуждение по отношению к правонарушителю. Ясно даже слепому, что анархический коммунизм не имеет никакого основания говорить об уничтожении права» (стр. 53, подчеркнуто автором).

Иллюзией является и «беспредельная свобода союзов в анархической коммуне», так как «все союзы для производства неизбежно ограничены условиями этого производства.

Коммуна как идеальная организация коллективного производства, может допустить небывалую свободу слова, печати, свободу во всех областях человеческой деятельности, кроме одной экономической: кроме базы коммуны — коммунального производства. В этой сфере коммуна даже против своей воли должна будет вступить на путь регламентации». Ей придется бороться с разными «бесмысленными мечтаниями», и поэтому, раньше чем быть принятым в коммуну и стать полноправным членом, всякий союз будет подвергнут строгому расследованию: будет и должна будет (?) точно установлена его цель, его состав, его средства, его потребности, его полномочия и т. д.». И, конечно, если коммуна сочтет вступление этого союза невыгодным для себя, он напрасно станет «взывать к вечной справедливости» и «даже уставу коммуны, где «явно и точно» обеспечена свобода союза...» (стр. 48-49).

Наконец не более свободна и отдельная личность в союзе. Она вынуждена подчиняться его регламенту, и если «может выбирать между различными союзами», то «этот выбор напоминает то положение на войне, когда

деликатный победитель предоставляет побежденной стране самой выбрать способ почетной сдачи» (50).

Так описывает все прелести «анархической коммуны» компетентный анархист-коммунист, ставший индивидуалистом. Весьма решительны и выводы, к которым он приходит: «Хотя коммунизм есть относительная необходимость, анархический коммунизм есть абсолютная невозможность, внутреннее противоречие, экономическая нелепость» (стр. 48). Если вы признаете «социальное производство, организованное планомерно, согласно данным современной науки — тогда имейте мужество отказаться от анархизма» (47). И в заключение: «Анархизм, как мы его понимаем, не есть разновидность социализма, а беспощадный враг его. Наоборот, анархический коммунизм есть чисто социалистическое учение», и сбивчивый и противоречивый термин «анархический коммунизм» гораздо лучше было бы заменить словами: «безгосударственный социализм» (стр. 64).

Но если мы примем во внимание, что «государственность» в социалистическом идеале есть изобретенный анархистами жупел; если, с другой стороны, мы вспомним, что наши анархисты отрицают не только государственную власть, но и какое бы то ни было приспособление «меньшинства» к «большинству», т. е. в сущности всякие нормы общежития (что они и проявляли на практике, не признавая «власти» председателей собраний или тюремных «старост», или нарушая, из принципа, устанавливаемые их товарищами по заключению камерные «конституции» и т. д.), — то мы придем к заключению, что теоретически русский анархизм в общем и целом представлял не «безгосударственный социализм», а беспринципное смешение специфического «революционизма» европейских синдикалистов и анархистов с совершенно индивидуалистическим бунтарством. И поэтому наиболее серьезные и вдумчивые из русских анархистов того времени, как Раевский, Оргеи-

ани и некоторые другие, предпочитали вовсе не касаться «теории» анархизма в собственном смысле и все решительнее склонялись к обыкновенному революционному синдикализму.

Зато в области тактики русский анархизм проявил гораздо больше «самобытности». Правда, появившись в дореволюционную и революционную эпоху и особенно развившись в эпоху распада революции, он в значительной мере дела то же, что и другие террористические партии: количество актов политического террора, в частности борьба с полицией, жандармами, охранными отделениями и так называемое у анархистов «шпикобойство», в огромной степени превышало у них количество террористических актов экономического характера и нередко мало отличало их, например, от социал-революционеров и особенно максималистов. Но та же революционная эпоха, «работа» в крайне напряженной и взбудораженной грандиозными событиями среде, необычайно увеличила и «размах» собственно анархической деятельности. Она же сообщала нашим анархистам такую смелость фантазии, о которой и мечтать не решаются их европейские собратия. И потому европейско-американский анархизм не нравился русским анархистам, казался им чуть не крохоборством, трусливо-мирной пропагандой и т. д. Их боевизм не мог примириться с мыслью, что во Франции минули времена Анри, Вальяна и Равашоля,[1] а в некрологе анархиста Нотки Бахраха («Бунтарь», 1906 г., стр. 34), рассказывается, что он поехал было в Америку, «но чисто литературный, бумажно-рефератный анархизм Америки противен душе Нотки». И действительно, перманентный боевизм — это характерная черта в тактике всех русских анархистов, без различия течений; а их практика, как мы уже ви-

[1] Террористы 90-х годов, о которых мы выше говорили.

дели, не расходилась с их теорией в этом отношении. Экономический террор, доведенный до последних пределов (анархисты с удовлетворением передают, например, случай, когда из мести к фабриканту они убили трех его сыновей!), саботаж, захват или попросту кража хозяйских материалов или продуктов, захват во время бегства хозяина всего его заведения и, наконец, бесчисленные «экспроприации» — от самых крупных до ограбления мелких торговок, — все это, вместе с непрерывной войной с полицией, составляло значительную часть «работы» анархистских групп и, конечно, должно было продставляться недостижимым идеалом для самых пылких европейских анархистов.

Но в обосновании этой «тактики» и того места, которое она должна занимать в анархистской деятельности вообще, обнаружились у наших анархистов довольно сильные разногласия. Если в области общей теории и программных вопросов — русских анархистов нельзя почти делить на какие-либо определенные группы, то по вопросам тактики, после первого, подготовительного, или «хлебовольческого» периода, уже начиная с середины 1905 г., русские анархисты делятся на три диференцирующиеся группы: в 1906 г. они окончательно определяются, как «безначальцы», «чернознаменцы» и «синдикалисты» разных толков, причем среди последних с 1907 года преобладают «буревестниковцы» (выражение Новомирского). И издания всех трех направлений («безначальцы» издали в 1905 году 3 номера «Листка группы Безначалие», а в России тогда и позже ряд прокламаций; «чернознаменцы» — один № «Черного знамени» в 1905 году и 1 номер — особенно важный и интересный — «Бунтаря» в 1906 г.; их эпигоны в 1907 и 1909 гг. издавали журналы «Анархист» и «Бунтарь») дают нам много материала, особенно в своей полемике, для характеристики анархистской тактики.

«Безначальцы» в своем органе (№ 2-3) сами определяют свои задачи следующим образом: «Долой тред-юнионизм, синдикализм и парламентаризм, ибо все они имеют целью продлить агонию умирающего врага». Далее, проповедуя «бунтарство» и «беспощадную гражданскую войну», в частности, создание «вольных боевых дружин» и экспроприации, они рекомендуют «полный индиферентизм к современному русскому демократическому движению» и собираются заняться «разоблачением буржуазного облика всех партий, стремящихся свести классовую борьбу к антипролетарской по духу борьбе за профессиональные интересы наиболее обеспеченных пролетарских слоев, за реформизм во всех его проявлениях». Все это еще очень неопределенно и характеризует не одних безначальцев. Но уже в ряде прокламаций родственных «безначальцам» групп в Петербурге и Москве, выпущенных весной 1905 г., рекомендуются массовые убийства, поджоги, грабежи и, наконец, создание анархических коммун, после того как «всех наших живодеров поджогами и оглоблями со свету сживем».

Более подробно характеризуется позиция «безначальцев» в «Бунтаре» 1906 г. и в «Буревестнике». По мнению «безначальцев», говорит «Бунтарь» (стр. 7), «Пролетариат может и должен пред'явить капиталистическому обществу лишь одно требование — требование перестать существовать вовсе». Поэтому борьба за какие бы то ни было частичные улучшения должна быть решительно отвергнута, как «буржуазная по существу своему». По словам «Буревестника», «безначальцы» «всю свою тактику строят на убеждении в чудодейственной силе террора, и в участии анархистов в повседневной борьбе пролетариата видят измену принципам анархизма» (№ 9, стр. 2). «В лице «безначальцев» мы имеем дело с возрождением нечаевских взглядов, нечаевской тактики. Анархистские группы должны совместно с

люмпенпролетарскими элементами (босяки, по мнению «безначальцев», это прирожденные анархисты) организовать нападения на частную собственность, ряд террористических актов... Этого, по их мнению, совершенно достаточно, чтобы вызвать социальную революцию» (№ 8, стр. 3). Наконец, в то время как другие анархисты открещивались от «индивидуальных экспроприаций» и даже вели борьбу с ними, «сторонники «безначальцев» в Киеве и Петербурге пытались пропагандировать грабеж, как тактику» (заявление группы анархистов в «Листках Х. и В.», № 3, стр. 6), или, как сообщает Рогдаев в докладе Амстердамскому конгрессу, «рекомендовали пролетариям бросать работу на заводах и жить исключительно личными экспроприациями» («Бурев.» № 8, стр. 11, прим.). Правда, другие анархисты уверяют, что «безначальцы» имели мало влияния и вообще несколько конфузятся за них: Рогдаев заявляет, что это течение существовало лишь в Киеве, Петербурге, Варшаве и отчасти Минске и Тамбове (сюда надо, как мы увидим позже, прибавить и Уфу). Но вся история русского анархизма показывает, что на практике он весь значительно был проникнут духом этого течения и что оно особенно сильно наложило свой отпечаток на самую многочисленную и влиятельную фракцию наших анархистов — «чернознаменцев».

В самом деле, первый (и единственный) номер «Черного Знамени» охотно перепечатывает наиболее «боевые» места из прокламации «Безначалия». А Раевский из «Буревестника» прямо заявляет, что «чернознаменцы» при своем зарождении мало чем отличались от «безначальцев»; и хотя «с течением времени, соприкоснувшись с жизнью рабочих масс, они стали несколько трезвее смотреть на взаимоотношение между анархистским движением и повседневной борьбой пролетариата» и стали признавать участие в экономической борьбе рабочих, но все же «вся их тактика построена на оптимистическом

предположении о постоянной готовности находящихся в аморфном состоянии рабочих масс восстать по почину застрельщиков социальной революции — анархистских групп. При такой наивной вере в бунтовской дух неорганизованных масс представляется излишней, а с известной древней точки зрения — «чем хуже, тем лучше» — даже вредной организация масс на профессиональных началах» (№ 8, стр. 3). Главный теоретик антисиндикализма Гросман считает, «что синдикализм, проповедываемый анархистами... является опасным, может статьроковым для анархизма, так как отвлекает часть наших, еще столь малочисленных сил на дело, не только чуждое, но и вредное для анархизма» (№ 6-7, стр. 2), вредное потому, что «фактором революционного воспитания, школой активной революционной воли синдикат так же мало служит, как и парламент», являясь «органом взаимного страхования рабочих и капиталистов» (стр. 3 и 4). К европейскому анархизму, по свидетельству Рогдаева («Бурев.», № 8, стр. 12), чернознаменцы относились отрицательно, упрекая его «в оппортунизме и половинчатости, в расплывчатости и гуманитаризме», а также в том, что он разменивается на частности. Если они и признали в конце-концов образование тайных анархистских синдикатов, то к вступлению в беспартийные рабочие союзы, особенно легальные, относились крайне враждебно, и на этой почве должны были раскалываться с анархистами-синдикалистами.

Родственный и «безначальцам» боевизм «чернознаменцев» следующим образом характеризуется в главном их органе, «Бунтаре» 1906 г.: «Развить и углубить дух бунтарства и разрушения — вот наша цель... Борьба против всех законов незаконными средствами — это наша тактика» (стр. 2). «Частота и степень насильственных действий пролетариата против буржуазии — вот лучший показатель класовой борьбы» (стр. 6). Безработным дается следующий лозунг: «Организуйтесь и вооружай-

тесь! Нападайте на магазины и организованно берите предметы первой необходимости!» (стр. 2). Как мы видим, эта «тактика» немногим отличается от той, которую проповедывали «безначальцы».

Из среды чернознаменцев вышли и две наиболее «оригинальные» группы русских анархистов: «безмотивники» и «коммунары». Обе они возникли в конце 1905 г., когда массы были захвачены политической борьбой, и анархисты захотели «сделать нечто такое, что бы заставило «на миг» оглянуться рабочие массы, задуматься и увидеть, что буржуазия раскидывает перед ними новые, адски хитро сплетенные сети — сети буржуазной революции» («Бунтарь», стр. 21). И вот, они решили сказать «анархическое слово» и «сказать его так, чтобы услыхали его многомиллионные народные массы, чтобы затрепетала и содрогнулась в ужасе буржуазия» (там же). Результатом и явилось образование двух названных групп. «Безмотивники» видели свою задачу в том, чтобы устраивать ряд террористических актов против представителей буржуазии «не только за ту или иную частичную, конкретную вину» перед пролетариатом, а «просто потому что они буржуа». Пусть не будет среди них «невиновных». Да не знают они покоя» (там же). Как известно, «безмотивники» бросили бомбу в ресторан «Бристоль» в Варшаве и пять бомб в кафе Либмана в Одессе. Конечно, эти «акты» лишь оттолкнули от них многих приверженцев, и собравшемуся в январе с'езду «безмотивников» ничего сделать не удалось. Но «идея» эта долго жила среди анархистов, служила предметом оживленных споров и литературной полемики и несомненно вдохновила не один акт «экономического» террора.

«Коммунары» исходили из тех же посылок, что и «безмотивники», но они желали индивидуальному террору противопоставить «массовый анархический акт — попытку восстания во имя безгосударственной коммуны» (там же). Само собою понятно, что это им не уда-

лось, так как «устроить восстание» труднее, чем бросить бомбу. В декабре 1905 г. Стрига с группой «коммунаров» отправился в Екатеринослав, чтобы поднять там восстание и образовать анархическую коммуну, но... «внезапный арест почти всей группы пресек ее начинания в самом зародыше» (там же), и больше подобных попыток не делалось. При всей, однако, кажущейся «оригинальности» этих групп надо вспомнить (что и сделал Рогдаев в вышеупомянутом докладе), что акты «безмотивного» террора (как бомба в кафе в Париже или убийство австрийской императрицы) были и в Западной Европе, но были оставлены анархистами, как явно нелепые и вредные для них самих. Кроме того, чем отличается «безмотивный» террор чернознаменцев от проповеди «безначальцев» — истреблять всех вообще буржуа? Последнее только смелее и решительнее... Что же касается идеи «коммунаров», то «безначальцы» еще летом 1905 г. предлагали немедленный захват городов и учреждение анархических коммун. Итак, на наиболее ярких проявлениях «творческой» работы «чернознаменцев», как и на всем их миросозерцании, видно явное влияние «безначальцев».

От «безначальцев» и «чернознаменцев» резко отличались анархисты-синдикалисты всех оттенков («Хлебовольцы», группа Новомирского и сторонники «Буревестника»). Все они безусловно осуждали «безмотивный» террор и мелкие экспроприации, как тактику, которая не только «нисколько не содействует прояснению сознания» масс, но, наоборот, отталкивает их от анархистов, а в среду последних вносит развращающее влияние. Они понимали значение планомерной пропаганды и организации и рекомендовали анархистам вступать в беспартийные профессиональные союзы, не пугаясь даже их «легальности». Но потому они и были сравнительно мало влиятельны и немногочисленны и проявили себя, главным образом, в Одессе, отчасти на Урале и в

Москве, где они почти сливались в своей деятельности с зародышами чисто-синдикалистских групп. Действовавшая в Одессе «Южно-русская группа анархистов-синдикалистов» (течение Новомирского) в изданной ею программе точно формулирует свои тактические принципы. Между прочим, «група стремится всеми средствами отвлечь рабочие массы от участия в выборах в какие-либо государственные учреждения, как местные, так и центральные», и притом «независимо от избирательной системы, лежащей в их основе». Далее, группа «организует тайные анархические профессиональные союзы... которые ставят себе целью не только полное освобождение рабочего класса... но и ведут борьбу с хозяевами за частичные улучшения условий труда». Кроме того, члены тайных анархических союзов «входят в легальные непартийные профессиональные союзы с целью пропаганды своих анархических идей» и борьбы с социалистическими партиями. «Анархисты, входящие в легальные непартийные союзы, ставят себе целью у н и ч т о ж и т ь о б я з а т е л ь н о с т ь д е н е ж н ы х в з н о с о в (подчеркнуто нами. *Б. Г.*.), бюрократизм в заведывании делами в союзах, всякие компромиссы с хозяевами и стремятся превратить всякий профессиональный союз в свободную и истинно-революционную ассоциацию производителей, чуждую торгашеского духа, верующую только в свою собственную революционную самодеятельность и действующую только путем захватного права».

Мы нарочно привели такую длинную цитату, чтобы показать, что и тут анархизм остался верен своей подлинной природе, духу «безначальцев», так как подобное «участие» в профессиональных союзах, конечно, равносильно сознательному их разрушению (впрочем, анархисты типа «Буревестника», как Оргеиани или Раевский, повидимому, начали, хотя и поздно, ценить рабочее движение и рабочие организации сами по себе

и, как мы уже показали, стали склоняться к европейскому «революционному» синдикализму; а в сравнении с нашим анархизмом даже это является большим прогрессом).

Во всяком случае, отличие анархистов-синдикалистов от чернознаменцев было так велико, что совместная работа их стала невозможна, и редакция «Буревестника» в особом обращении «К товарищам» (№ 13) должна была это заявить. «Попытки совместной работы в России», — говорится там,—«анархистов этих двух направлений только яснее обнаружили пропасть, принципиальную и практическую, существующую между этими двумя тактиками. Опыт пятилетней работы обнаружил беспочвенность индивидуального, оторванного от массового движения, бунтарства, и еще более укрепил в представителях рабочего коммунистического анархизма убеждение, что лишь массовой организации, массовой пропаганде и агитации, активной борьбе совместно с пролетариатом стоит отдавать немногочисленные уцелевшие драгоценные силы наших групп» (Написано в октябре 1908 г.; подчеркнуто везде автором. *Б. Г.*).

И, действительно, мы находим указания на борьбу этих двух течений и на Кавказе, и в Белостоке, Минске и др. местах. В Одессе, как мы уже указывали, синдикалисты и чернознаменцы обособились в две отдельные, враждебные друг другу группы. А в Уфе, где тоже существовали две группы, они даже выпускали друг против друга прокламации. «Уфимская группа а.-к.», как сообщает корреспонденция № 8 «Буревестника», «выпустила листок «К рабочим», в котором резко осуждает экспроприацию, как шантаж, и, в частности, вымогательство 1000 р. у Прокофьева, совершенное второй, существующей в Уфе, так называемой «Уральской группой а.-к.» («безначальцы»). Последняя группа ответила аналогичным листком, в котором защищала свои позиции.

С распадом анархистских групп в России, борьба эта переносится за границу, где принимает самые отвратительные формы. Так, в № 9 «Буревестника», от февраля 1908 года, читаем: «16 января текущего года местная группа «Бунтарь» обратилась к группе «Буревестник» с требованием выдать ей 500 рублей на какое-то дело. Обладая слишком ограниченными средствами с одной стороны, а с другой имея достаточно оснований относиться с недоверием к предприятиям местных бунтарцев, группа «Буревестник» отказалась исполнить это требование». Три дня спустя вечером в ее типографии «было выломано окно и произведен форменный разгром». — «Сначла мы думали, что эта ночная экспедиция — дело рук русских хулиганов и шпионов, имеющихся здесь; но на завтра же мы получили два письма от авторов разгрома, заявляющих, что своим поступком они отплатили группе «Буревестник» за ее отказ в деньгах»...

Так анархисты из «Буревестника» пожали то, что посеяли. Они так долго проповедывали борьбу всеми средствами против социал-демократов (как меньшевиков, так и большевиков) за их «буржуазность», что рано или поздно, в качестве «оппортунистов» анархизма, должны были и на себе испытать воздействие своих более «левых» товарищей...

Опыт первой революции показал, что никаких сколько-нибудь прочных корней в массе промышленного пролетариата анархисты не имели, что за ними шли, главным образом, деклассированные элементы интеллигенции, ремесленного и полуремесленного пролетариата и отчасти крестьянских или близких к крестьянству пролетарских групп. Влияние их на рабочее движение было несомненно разлагающим, несмотря на те зерна истины, которые имелись в их критике европейского и русского оппортунизма.

Вот почему, между прочим, еще в ноябре 1905 г. в статье «Социализм и анархизм» Ленин вполне одобрил

постановление Исполнит. комитета Петерб. совета раб. депутатов о недопущении анархистов не только в Исполн. комитет, но и в Совет. Ленин в этой статье рассматривал Совет, как боевую организацию, временное боевое соглашение социалистических и революционно-демократических (с.-р.) партий для борьбы с самодержавием. И «анархисты, — писал Ленин, — в таком союзе будут не плюсом, а минусом; они внесут лишь дезорганизацию; они ослабят этим силу общего натиска; они еще «могут спорить» о насущности и важности политических преобразований»[1].

Вся дальнейшая деятельность анархистов в 1905-7 гг. полностью подтвердила эти слова Ленина.

---

[1] Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. VIII, стр. 410.

5. РУССКИЙ АНАРХИЗМ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вопрос о том, как отнеслись русские анархисты к Октябрьской революции и, наоборот, какую роль сыграла сама Октябрьская революция в развитии русского анархизма, — представляет несомненно, независимо от общей истории анархических учений в России, и большой самостоятельный интерес, и исторический и теоретический. Между тем этот вопрос до сих пор не только совершенно не исследован, но даже почти не поставлен в нашей марксистской исторической литературе. Единственная, если не ошибаемся, сводная работа, посвященная всему русскому анархизму эпохи Октябрьской революции, известная брошюра Я. Яковлева «Русский анархизм в великой русской революции» (ГИЗ, 1921 г.), начинает свое изложение только с весны 1918 г., так как, по мнению автора, «в октябрьские дни оказавшиеся в наличии анархистские элементы были увлечены стихией массового рабочего движения и не выставляли отличных от нас, коммунистов, лозунгов и задач». И поэтому «по существу историю русского анархизма, как активного фактора революции и контрреволюции, можно вести с весны 1918 г.». Мало того, автор идет еще дальше и думает, что поставленная им «узкая задача — дать в настоящей брошюре очерк развития теории и практики русского анархизма в Великой русской революции — благодаря этому превращается в значительной мере в

[1] Настоящая глава представляет собой сокращенное изложение доклада, прочитанного автором в конце 1927 г. в О-ве историков-марксистов и в Институте истории РАНИОНА.

очерк развития всего русского анархизма» (Предисловие, стр. 3 и 4).

С этим утверждением нельзя согласиться. Не говоря уже о деятельности анархистов в эпоху первой революции, в течение всей Февральской и особенно в первые месяцы Октябрьской революции анархисты разных течений развили довольно большую пропагандистскую и агитационную (митинговую и литературную) деятельность, выставляя, в отличие от большевиков, по целому ряду принципиальных и практических вопросов революции свои анархистские лозунги и задачи. Вся анархистская литература этого периода представляет теперь большую библиографическую редкость и несомненный исторический интерес. Кроме того, весна 1918 г., с которой начинает свое исследование тов. Яковлев, это как раз та дата, когда начались первые репрессии советской власти против анархистов, — знаменитый разгром анархо-бандитских особняков в Москве и обыски анархистских квартир в целом ряде городов. И, конечно, именно период от октября 1917 г. до весны 1918 г. особенно интересен, так как здесь мы имеем опыт развития анархизма в его, так сказать, чистом виде, до и без каких бы то ни было репрессий, в таких условиях, подобных которым не знает история, когда анархисты были абсолютно легальной группировкой, когда по отношению к ним не было ни малейшего стеснения ни их печати, ни их деятельности вообще.

Каким образом случилось, что после ряда шумных выступлений (правда, в огромном большинстве отнюдь не массового характера) 1906—08 гг., т. е. периода упадка первой русской революции, анархисты, совершенно как-будто исчезнувшие с арены русской общественной жизни и в эпоху реакции, и в эпоху под'ема, внезапно вновь появились с первых дней Февральской революции? Если мы припомним известное положение Ленина, что

анархизм является как бы наказанием за грехи оппортунизма, то мы легко в эволюции русского анархизма XX в. обнаружим некоторую закономерность. В самом деле, если в 1906—08 гг. анархизму удалось захватить незначительную часть рабочих ряда промышленных центров на почве массовой безработицы и разочарования в чисто политических лозунгах, то столыпинская реакция, которая не могла уничтожить руководящего влияния с.-д. в рабочих массах, начисто уничтожила все проявления анархизма, погибшего как под влиянием репрессий, доходивших до чисто физического истребления анархистов, так и под влиянием разложения в их собственной среде.

Анархисты проявляли себя в это время (и то очень слабо) только в эмиграции и отчасти в районе ссылки (знаменитое туруханское «восстание» ссыльных, ряд «эксов» в Иркутской губернии в эти годы — в значительной мере дело рук анархистов).

И даже в эпоху под'ема, — начиная с 1912 г., когда несомненно гегемоном в активном движении рабочего класса были большевики, а не меньшевики — и именно поэтому — анархизма почти не видно.

Но вот наступает мировая война, с ее массовым предательством с.-д. вождей, с массовым психозом социал-оборончества, и здесь, в качестве наказания, так сказать, за грехи оппортунизма, действительно, вновь заметной струйкой появляются анархисты.

Сохранились некоторые доклады Петербургского охранного отделения министерству внутренних дел и департаменту полиции о делах петербургских анархистов во время мировой войны. Эти доклады чрезвычайно любопытны во многих отношениях, и мы несколько остановимся на них. Прежде всего, они показывают нам, на основании личного состава анархистских групп (который был известен охранке благодаря секретной агентуре), непосредственную личную преемственность анархистских

групп 1914, 1915, 1916 гг. в Петербурге с некоторыми анархистскими группами, возникшими после Февральской революции. В петербургской «Федерации» 1917 г. мы встречаем ряд тех самых лиц, которые фигурируют в охранных документах 1915—16 гг. Это были анархисты-коммунисты, группировавшиеся вокруг выходившей зимой 1917—18 гг. газеты «Буревестник», главным образом, интеллигенты и полуинтеллигенты: художник Назимов, интеллигентка Издебская, некий «Алексей», видный анархистский организатор, который потом появился в группе «Буревестник» под своей настоящей фамилией Федорова (известной и охранному отделению), и некоторые другие.

Затем, как видно из этих охранных документов, уже с начала 1915 или даже в конце 1914 г., т. е. после ареста большевистской фракции государственной думы и после того, как меньшевики проявили себя явными оборонцами, возникают в тогдашнем Петрограде на некоторых заводах анархистские группы («Северная группа», группа анархистов Выборгского района, особенно Металлического завода, группа Трубочного завода на Васильевском Острове, группа Путиловского завода). И это те самые заводы, на которых, как мы увидим дальше, у анархистов было некоторое влияние и в 1917 г. и где им удавалось получать довольно крупные суммы путем сборов среди рабочих.

Это значит, что в 1917 г. анархисты появились в тех самых местах, где у них были некоторые организационные зацепки еще во время войны. Кстати сказать, это были заводы, работавшие «на оборону» и, как известно, впитавшие в себя за это время много непролетарских элементов. Но если мы обратимся к изучению того, что было найдено при обысках у арестованных анархистов во время очередной «ликвидации» 2(15) ноября 1916 г., то мы встретим целый ряд большевистских изданий (прокламация Петербургского комитета «Стачечное дви-

жение и задачи момента», гектографированный сборник революционных песен, изд. Выборгского районного комитета РС-ДРП, брошюра Зиновьева и Ленина «Социализм и война», брошюра «Война и дороговизна в России», изд. ЦК РС-ДРП) и в довольно большом количестве — фотографические карточки сосланных депутатов-большевиков. Таким образом, большевики были единственной революционной организацией, с которой сталкивались анархисты; и хотя после осенних забастовок 1916 г. собрание анархистского «актива» (все по тем же данным охранного отделения) констатировало, что забастовками никто не руководил, и решило использовать эту организационную «слабость» большевиков для расширения своего влияния в массах, тем не менее у ряда анархистов, в том числе таких, которых охранка считала «лидерами», находили исключительно большевистскую агитационную литературу, которую, очевидно, анархистам приходилось распространять и изучать.

Февральская революция вернула к активной деятельности сотни старых анархистов, вышедших из тюрем и ссылки, приехавших из эмиграции, главным образом, из Америки, где они издавали довольно распространенную русскую газету «Голос Труда». Вернулся, как мы знаем, после 40 лет эмиграции и Кропоткин.

Его позиция во время войны сильно скомпрометировала его в глазах огромного большинства русских анархистов, ставших интернационалистами. Но он первое время упорно оставался верен своей концепции войны и еще 12 октября (ст. ст.) 1917 г., т. е. за две недели до Октябрьской революции, поместил в заведомо тогда контрреволюционных «Русских Ведомостях» свое десятое «Письмо о текущих событиях», где продолжал старую песню о германских зверствах и о необходимости разгрома германского милитаризма. Эта статья вызвала тогда же в московской газете «Анархия» робкий по форме протест его ближайшего поклонника Атабекяна, ко-

торый доказывал, что неприлично анархисту желать победы одной из воюющих сторон.

Из двух главных направлений русского анархизма, какие сложились, начиная с Февральской революции, т. е. анархо-синдикалистов и анархистов-коммунистов, первые относились к Кропоткину более терпимо, хотя и отрицали его взгляды на войну, тогда как вторые были к нему непримиримо враждебны.

Переходя к деятельности этих течений в важнейших городах России, главным образом, в тогдашнем Петербурге, надо прежде всего отметить, что анархисты-синдикалисты все время пользовались меньшим влиянием, чем анархисты-коммунисты (если судить по тиражу их газет и по денежным сборам). Это свидетельствует, что настоящих, прочных корней в подлинно пролетарской массе (как это было отчасти у анархо-синдикалистов, напр. во Франции) у наших анархистов не было. В эпоху военного коммунизма анархисты-синдикалисты не раз открыто (например их лидер Бармаш) выступали в защиту «обижаемого» крестьянства, требуя отмены привилегий для рабочих [1]. Единственный профсоюз, где они дольше всего пользовались влиянием, московский союз булочников, как совершенно справедливо указывает в своей брошюре Я. Яковлев, был, по самому характеру своего производства, больше всего склонен к анархо-синдикалистской идее захвата производства союзом, что в данном случае граничило с откровенным потребительским коммунизмом, т. е. с захватом важнейшего продукта питания. В другом союзе — кожевников, где у анархистов тоже были сторонники, среди рабочих пре-

[1] Не случайным является и тот факт, что виднейший теоретик анархо-синдикализма Волин-Эйхенбаум в конце-концов идейно возглавил махновщину.

обладал крестьянский элемент[1] (впрочем, и среди булочников имелся большой процент не порвавших связи с деревней, а иногда попадались даже выходцы из люмпен-пролетариата).

Но все эти замечания относятся уже к гораздо более поздней эпохе, выходящей за пределы поставленных нами себе в данный момент хронологических рамок. Они лишь помогут нам в дальнейшей социальной и идеологической характеристике тех тенденций, которые явно наметились уже с конца Февральской революции.

Несмотря на большое сходство в отношениях разных течений анархистов к основным вопросам и задачам революции, их все же разделял целый ряд моментов и программно-тактического и, главным образом, организационного характера. У анархо-синдикалистов было больше, если можно так выразиться, европейской «культуры», больше теоретического багажа и выдержанности, большая разборчивость в средствах, чем у анархо-коммунистов, продолжателей боевого и экспроприаторского анархизма эпохи первой революции. Во всяком случае обе эти струи в течение всей Февральской и первых месяцев Октябрьской революции почти нигде не сливались, и все почти попытки об'единения кончались неудачей. При этом их органы, особенно в Петербурге, вели иногда между собой довольно бранчивую полемику.

В Петербурге с мая выходил орган анархо-коммунистов «Коммуна», а после его закрытия — «Свободная Коммуна». С 11 ноября появилась ежедневная газета «Буревестник», бывшая органом всех групп анархо-коммунистов Петербурга. Но в редакции этого органа все время шла борьба между двумя сменявшими друг друга коллективами: группой Карелина и Александра Ге и груп-

[1] Характерно, что пищевики и особенно пекаря сочувствовали анархо-синдикалистам не только в Москве; но и в других городах, и их с'езд, происходивший в Москве в 1918 г., принял анархо-синдикалистскую резолюцию.

пой Гордина или «пяти угнетенных». Первая из них была более литературной, чем графоман Гордин, заполнявший иногда сплошь целые номера бесконечными продуктами своего «философского» и «поэтического» творчества.

С августа стал выходить регулярно еженедельный орган анархо-синдикалистов «Голос Труда», во главе которого стал приехавший из Нью-Йорка Б. Волин (Эйхенбаум). В первые дни Октябрьской революции газета попыталась стать ежедневной, но продержалась лишь несколько дней и, за неимением средств и нужного аппарата газетной техники, перешла вновь на тип еженедельного «органа анархо-синдикалистской пропаганды».

В Москве выходила довольно бесформенная в принципиальном, программном и тактическом отношении «Анархия». В Харькове — анархо-синдикалистская «Рабочая Мысль» и анархо-коммунистическая «Хлеб и Воля». Были у анархистов свои органы и в Екатеринославе («Голос анархиста») и в целом ряде других городов.

В дальнейшем изложении того, как относились анархисты к Октябрьской революции, мы будем опираться, главным образом, на их петербургские органы. В тогдашнем Петербурге собрались наиболее видные силы анархистов всех направлений и, кроме того, насколько нам известно, в провинции в общем картина была такая же.

С самого начала Февральской революции анархисты стали довольно шумно проявлять себя, причем к ним сразу же примазались некоторые уголовные преступники, которым удалось освободиться из тюрем. Уже на первых массовых демонстрациях в Петербурге появилось обращавшее на себя внимание черное знамя с надписью «Долой власть и капитал». По мере того, как политическая атмосфера накалялась, анархисты, уже не ограничивались литературной пропагандой и агитацией и перешли к «пропаганде действиями», в роде захвата зданий, оружия и т. п.

Каковы же были политические настроения анархистов еще во время Февральской революции? Они вели непримиримую, хотя и весьма путанную в идейном отношении, борьбу за мир и столь же непримиримую борьбу против временного правительства и всего коалиционного блока, и это отчасти сближало их с большевиками. Когда после громких «эксцессов» анархистов (захват типографии, дачи Дурново и т. д.), они подверглись первым преследованиям, большевики не раз заступались за них. Вместе они завоевали фабрично-заводские комитеты Выборгской стороны, не раз бок о бок выступали в Кронштадте, а после июльских дней очутились вместе в тюрьмах. Как известно, вся не только кадетская, но и эсеровская и меньшевистская печать обвиняли большевиков в анархизме.

Словечко «анархо-большевики» не сходило со столбцов печати коалиции. Сами анархисты считали, что большевики иногда кой в чем «приближаются» к ним, но тут же самым решительным образом отмежевывались от них по важнейшему вопросу революции — вопросу о власти.

Против идеи диктатуры пролетариата велась энергичная борьба во всех анархистских газетах — и в столице и в провинции — еще до октября. И если изредка раздавался голос в пользу временной хотя бы поддержки этой диктатуры, он немедленно дезавуировался. Так в № 2 «Свободной Коммуны» (от 2—15 окт.) мы читаем.

«В № 1 «Свободный Коммуны» было сказано, что в случае возникновения опасности, грозящей от диктатуры помещиков и буржуазии, анархисты будут временно поддерживать диктатуру пролетариата. Это — не более, как мнение автора статьи и согласных с ним товарищей, если таковые имеются. Мы пойдем против буржуазной или помещичьей диктатуры и, если рядом с нами пойдут сторонники диктатуры пролетариата, мы ничего не имеем

против этого. Но когда эти господа захотят нам навязать свою диктатуру, мы пойдем и против них»[1].

И, действительно, хотя самый факт Октябрьской революции они встретили с энтузиазмом, как революцию социалистическую, которая должна рано или поздно осуществить их анархические идеалы, но с первых же шагов советской власти все ее мероприятия и декреты начали подвергаться — сначала более или менее дружественной, предупреждающей, а затем постепенно все более враждебной — критике со стороны анархистов. При этом в своей оценке большевиков они впадали в бесконечные противоречия (нередко на страницах одного и того же номера газеты) и проявляли изумительное невежество в вопросах марксизма. Они то одобряют большевиков за их мнимый «уход» от марксизма, то, наоборот, нападают за приверженность к марксистской государственности. Так, передовая № 1 «Буревестника», подписанная «Бр. Гордины» вещает: «Марксизм дает трещину за трещиной. Вторая революция, Октябрьская, есть одна пощечина марксизму, один его крах[2], и не даром против нее ополчались и по сие время пребывают в непримиримой вражде все реакционеры, все догматики марксизма. Большевики, как Ленин, никогда не были людьми марксистской догмы, а людьми жизни, людьми революции». Мало того, оказывается даже, что «большевик ленинский в сущности есть только скверный, бессистемный и меньшевистский анархист». А на третьей странице того же номера в статье «Вред власти», говоря, что все революции приводили к новому рабству народа, автор продолжает: несколько иначе: «Нет и не будет исключения и для настоящей большевитской власти, которая в процессе ее

[1] В другом месте того же номера мы находим следующий вариант известной мысли Бакунина: „Нельзя выбирать анархисту из двух зол меньшее—республику или монархию, как нельзя выбирать между виселицей и гильотиной".

[2] Безграмотность языка свойственна большинству писателей «Буревестника», но особенно Гордину.

организации превратится в деспотию, распространяющую гнет вокруг себя. Жизнь ближайших дней будет подтверждением».

В № 8 харьковской «Рабочей Мысли» (анархо-синдикалистская) от 3 дек. в статье «Большевики и революция» мы читаем: «До сих пор большевики все более и более удалялись от своих перовначальных целей и все время шли дальше, навстречу желаниям народа. Они со времени революции почти окончательно порвали с социал-демократией и неудержимо стремятся принять анархо-синдикалистские приемы борьбы». А на следующей странице в статье «Мимо» раздается уже угроза: «Пока большевики окончательно не отказались от властвования, их путь и путь народа сольется на короткое время. Революция свергла, смела и уничтожила всех, у кого было стремление создать прочную власть. И та же участь постигнет большевиков, если они попытаются при помощи захваченной власти положить узду на мчащийся вперед революционный народ».

Мы взяли наудачу первые попавшиеся места. Подобными противоречиями полна вся анархистская пресса последних месяцев Февральской и первых месяцев Октябрьской революции. И если от совершенно беззаботного по части теории «Буревестника», как говорится, взятки гладки, то в области логики и знакомства с подлинным революционным марксизмом не далеко ушел от него и наиболее «солидный» орган русских анархо-синдикалистов «Голос Труда». В целом ряде «ученых» статей, посвященных общей теме «большевики и революция» или «большевики и марксизм», там преподносятся читателю удивительные вещи. Оказывается, своей борьбой за мир большевики явно уходят от марксизма, и настоящими марксистами в этом вопросе остаются меньшевики и Плеханов, ибо сам Маркс был шовинистом и пангерманистом и в 1870—71 гг. целиком был на стороне Германии. Далее лозунг «Вся власть советам»,

как лозунг федералистический, резко противоречит централистическим идеалам Маркса. При этом авторы-анархисты не только обнаруживают полное незнакомство с «Гражданской войной» Маркса, где в качестве идеала будущего государственного строя Франции рисуется именно федерация коммун, созданных по образцу парижской, но что особенно замечательно — буквально нигде во всей анархистской литературе того времени нет не только критики, не только полемики, но даже простого упоминания о таких пред'октябрьских работах Ленина, как «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть».

А ведь эти работы, особенно первая, являются прямым вызовом анархизму и вместе с тем воссоздают подлинную сущность учения Маркса и Энгельса о государстве.

Между прочим, анархисты долго упрекали большевиков за то, что они не отказывались (на первых порах) от созыва учредительного собрания. В этом, между прочим, они видели остатки марксистской «догмы» и успокоились в этом вопросе лишь после разгона учредительного собрания.

Но, принимая лозунг «власть советов», они и в нем путались безнадежно. Как известно, после Октябрьской революции часть анархистов, почти исключительно синдикалистского крыла, участвовала в ЦИК, в самый момент переворота отдельные лица входили даже в Военно-революционный комитет. По этому поводу в анархистской прессе долго велась полемика, носившая чисто казуистический характер. Выяснялся вопрос, в каких советских органах могут участвовать анархисты, не совершая грехопадения сотрудничеством с «властью», участием в этой власти. Выходило, что почти все эти органы, бывшие раньше «свободным творчеством» революции, теперь становятся функцией власти, функцией ненавистной анархистам диктатуры.

Как относились они к конкретным проявлениям этой диктатуры в первые месяцы советской власти, и в частности, к первым репрессиям по отношению к антисоветским партиям?

Прежде всего, анархисты проповедывали полную свободу личности, полное отсутствие насилия. По поводу первых судебных приговоров за воровство «Буревестник» выступил с резкими обличениями, заявляя, что надо уничтожить тюрьмы, что лучшее средство борьбы с воровством — это экспроприация всех решительно имуществ буржуазии. После такой экспроприации, говорили они, исчезнет всякая почва для воровства.

Далее, анархисты, с одной стороны, издевались над Горьким, который заступился за арестованного министра Коновалова, который выступил также против лишения к.-д. политических прав. И в том же номере «Буревестника», где помещена ядовитая заметка под заглавием «Как Горький защищает кадетов», мы находим рассуждения на тему о том, что не нужно делать кадетов мучениками, что они, в сущности говоря, совершенно безвредны, что нужны не репрессии по отношению к лицам, а экономическое воздействие на целый класс. Вместо того, чтобы лишать их мест в будущем учредительном собрании, нужно лучше экспроприировать всю буржуазию, и тогда, дескать, кадеты не будут иметь никакого политического и социального значения.

К меньшевикам и эсерам анархисты высказывали презрение и ненависть. Вот что писала, например, харьковская «Рабочая Мысль» в передовой № 6 от 19 ноября 1917 г.: «Вечный позор всем тем, кто, имея дерзость и поныне называться социалистами, в грозный момент восстания народа не только не пошли вместе с ними, но даже выступили против него. Социал-демократы, меньшевики и социалисты-революционеры открыто перешли в стан недругов рабочего люда. Во вспыхнувшей гражданской войне они оказались по ту же сторону

баррикад, что и буржуазия». Когда был арестован Авксентьев и эсеровские газеты подняли по этому поводу шум, в «Буревестнике» (№ 35 от 23/XII) появилась заметка, смысл которой был тот, что арест Авксентьева — справедливое возмездие за те многочисленные аресты, которые происходили по приказу того же Авксентьева, в бытность его министром внутренних дел при Керенском.

Эта путанная позиция, это неумение связать концы с концами в безвыходном противоречии между теорией, требующей прекращения насилий над личностью, и железной необходимостью законов революции, — особенно ярко и характерно сказывается в любопытном эпизоде, рассказанном на столбцах «Буревестника» известным анархистом Александром Ге, членом Питерского совета рабочих депутатов 1905 г. Он вернулся из эмиграции уже после Октябрьской революции и в Торнео, встретившись с курьером советского правительства, узнал в нем Якова Вернштрема, известного предателя по делу Первого Совета рабочих депутатов. И вот, всю дорогу до самого финляндского вокзала в Петербурге наш анархист мучился сомнениями по поводу того, имеет ли моральное право анархист содействовать аресту свободной личности и тем оказаться соучастником диктаторской власти. Он разрешил эти сомнения лишь тем соображением, что в данном случае арест есть «не наказание за прошлое, а охранение будущего». Успокоив свою анархистскую совесть таким софизмом, Ге с большим коварством заманил в ловушку «курьера народных комиссаров» и повез его в Смольный в распоряжение Козловского, который и направил Верштрема в тюрьму (см. «Буревестник» № 18 от 3/XII 1917 г.).

Обратимся теперь к тому, как оценивали анархисты важнейшие декреты и мероприятия советской власти, особенно в области экономической. Можно смело сказать, что не было ни одного шага советского правительства,

который не встречен был бы жестокой критикой анархистов, которому они не противоставляли бы своих предложений и методов действий. Даже первые переговоры о мире с Германией подвергались нападкам. «Анархисты не хотят войны, — писал «Вольный Кронштадт» в № 6 от 19/XII,—но и не хотят «мира», который ведет к переговорам с представителями германского империализма... Ни войны, ни переговоров о мире. Да, мы еще раз подчеркиваем: рабочие и крестьяне должны оставить окопы, разойтись по домам и делать дело революции, — взять все богатства в свои руки и устроиться на началах добровольного коммунизма, т. е. анархизма».

Далее, анархисты нападали на слишком, по их мнению, медленную и осторожную политику советского правительства в деле экспроприации буржуазии. Они были против лозунга рабочего контроля (хотя в этом вопросе на одной из анархистских конференций в Петербурге возникли у них разногласия), требуя немедленной передачи заводов и фабрик в распоряжение рабочих. Они выступали против декрета о национализации земли, выдвигая взамен передачу земли крестьянским общинам, против национализации банков, предлагая и это дело децентрализовать, сдать банки рабочим, критиковали самым беспощадным образом систему налогов.

По отношению к положительным мероприятиям, выдвигавшимся самими анархистами, надо проводить довольно резкое различие между а.-к. из «Буревестника» и других органов этого направления и а.-с. из «Голоса Труда». Первые, в сущности, не шли дальше потребительского коммунизма, дальше лозунга захвата у буржуазии предметов питания, одежды и т. п. Конкретные вопросы организации производства, организации народного хозяйства в целом их не интересовали. Между прочим, анархисты долго еще до революции и во время ее носились с идеей вселения рабочих в буржуазные квартиры, выдвигая ее, как собственно анархистское изобретение.

И здесь сказалось их невежество. Они не знали, очевидно, что впервые этот план выдвинул Бабеф, что это повторил Энгельс в своем «Жилищном вопросе» и что его конкретизировал Ленин в брошюре — «Удержат ли большевики государственную власть».

«Голос Труда», который, в отличие от «Буревестника», задумывался об общих вопросах социалистического строительства, и в вопросе о жилищах пошел несколько дальше а.-к., пропагандируя идею домовых комитетов, как низших первичных ячеек самоуправления и потребительского коммунизма. Что же касается социалистического хозяйства в общегосударственном масштабе, то в длиннейших статьях Волина, помещенных в ряде номеров «Голоса Труда» под общим заглавием «Наши ближайшие задачи» и «Нужен ли нам центр», заслуживает быть отмеченной одна весьма характерная для анархистов идея. Этн идея заключается в следующем. Никакого централизованного руководства ни производством, ни распределением, вообще никакого единого, планового, социалистического хозяйства не нужно. Ведь существует же капиталистическое хозяйство, функционируя в общем бесперебойно и удовлетворяя все важнейшие потребности общества, — без всякого плана и всякого централизованного руководства, существует потому, что каждый предприниматель, мелкий производитель и купец, заботясь о своих личных интересах, заблаговременно старается изготовить или закупить нужное количество требуемых товаров. То же самое надо сделать и у нас после социалистической революции. Стоит только заменить отдельных капиталистов и мелких производителей коммунами, группами производителей, рабочими и крестьянскими организациями, имеющими в своих руках те или иные, даже не отрасли производства, а те или иные фабрики, заводы, участки земли, и т. д., и между всеми этими самостоятельными коллективами будет происходить обмен ко всеобщему

благополучию. Словом, достаточно только срезать капиталистическую верхушку, частных предпринимателей или помещиков заменить фабрично-заводским или крестьянскими производственными коммунами, артелями, и они будут между собою устраиваться не хуже, чем устраиваются в капиталистическом обществе помещики, фабриканты и купцы. И тут и там спрос и предложение являются единственными регуляторами всего народного хозяйства. Таким образом, все остается на своих местах, процесс перехода к анархо-коммунистическому строю совершается без всякой ломки общества. Такова та «простая» идея, которую выдвинул в первые месяцы Октябрьской революции один из виднейших лидеров и теоретиков нашего анархо-синдикализма. Недаром а.-с. пользовались некоторым влиянием в годы военного коммунизма... только у булочников.

Рассмотрев в общих чертах отношение анархистов к Октябрьской революции и к важнейшим мероприятиям советской власти, перейдем теперь ко второй поставленной нами себе задаче: исследовать, как повлияла сама Октябрьская революция, с ее возбужденной стихией народных масс, с ее грандиозными идеалами и безграничными перспективами, на распространение самого анархизма в Советской России, на степень его идейного и организационного влияния в массах.

На международном конгрессе анархистов в Амстердаме в 1907 г. один из русских делегатов Рогдаев, как мы помним, заявил, что Россия представляет собою исключительно благоприятную почву для развития анархизма, что русский народ — инстинктивный анархист, доказавший это всей своей историей. И вот, казалось бы, что в такой момент, когда, с одной стороны, массовое движение по глубине и размаху достигло небывалых в истории размеров и когда, с другой стороны, как раз в это время анархисты пользовались тоже небывалой в истории свободой агитации и организации, — казалось бы, именно

тогда, в первые месяцы Октябрьской революции должно было полностью подтвердиться заявление Рогдаева. Хорошо известно, что этого не случилось, что у масс бывали в ту эпоху временами мимолетные анархистские настроения, но не было ни прочного и длительного влияния анархизма в этих массах (как на это уже указал и Ленин в «Детской болезни левизны в коммунизме»), ни сколько-нибудь серьезных анархистских организаций. А для того, чтобы более или менее точно определить степень и глубину распространения анархизма после Октябрьской революции, попробуем анализировать имеющиеся в нашем распоряжении данные, опубликованные самой анархистской печатью того времени.

Никаких цифр, характеризующих общее число анархистов в России или хотя бы число членов тех или иных групп, представленных на их конференциях, мы, конечно, нигде в анархистской печати не найдем. А голословные ссылки на то, что в боях под Гатчиной и Псковом бок о бок с большевиками сражались десять тысяч анархистов, конечно, никакой цены не имеют[1]. Обратимся поэтому к косвенным данным и прежде всего к вопросу о с'езде.

С первых же дней Октябрьской революции анархисты решили созвать Всероссийский с'езд анархистов всех направлений. Правда, в отличие от политических партий, этот с'езд должен был иметь не решающее значение, а лишь совещательное, ибо никаких обязательных резолюций анархисты, как известно, не признают. Но они все же хотели сделать смотр своим силам, обменяться мнениями и докладами и, если возможно, столковаться по важнейшим вопросам программы и тактики. С'езд был назначен на 25 декабря 1917 г. в г. Харькове, об этом широко были оповещены анархистские группы во всей России.

---

[1] Повидимому, анархисты зачисляли всех вообще матросов по своему ведомству.

Было создано «Временное осведомительное бюро анархистов России», которое своим названием отдавало дань анархистской антипатии ко всему, что пахнет централизацией и что заимствовано у социалистических партий, но фактически играло роль организационного комитета по созыву с'езда. И вот, в № 3 издававшегося этим Временным бюро и выходившего в Харькове Бюллетеня (в нем публиковалась переписка с местными организациями, проекты резолюций и тезисов к с'езду и т. п.) напечатан денежный отчет Бюро с 1 октября по 1 декабря. В этом отчете поражают следующие суммы, присланные местными группами в помощь бюро по созыву с'езда: «От Читинской группы 20 р., Бежицкой гр. 40 р. и Бежицкой федерации 25 р. и вторично 25 р., Конотопского бюро 10 р., Киевской ассоциации 25 р., Московской федерации 50 р., Ялтинской группы 36 р., Харбинской группы 10 р., Нижнеднепровской группы 25 р., Гомельской группы 15 р., Одесской гр. 10 р.».

Вот и все (дальше в отчете перечисляются суммы, полученные заимообразно и вырученные от продажи литературы). В этом списке поражает как случайный и захолустный характер почти половины всех групп, так и вообще ничтожное количество взносов и необычайная мизерность самих вносимых сумм, даже от таких центров, как Москва, Киев или Одесса.[1]. И это в самые первые дни Октября, при всеобщем энтузиазме, царившем в анархистских кругах. Ясно, что материальные средства огромного большинства анархистских групп, являющиеся показателем организационного влияния, были ничтожны. Неудивительно также, что в назначенный срок с'езд не состоялся. Он перенесен был на 15 января в Петербург, но не состоялся и на этот раз.

---

[1] Надо вспомнить при этом, что уже в то время ценность рубля была гораздо ниже теперешней.

В «Голосе Труда» от 19 января (ст. ст., № 8) напечатана резолюция депутатов, с'ехавшихся на этот предполагаемый с'езд, из которой мы узнаем, что он не состоялся по следующим причинам: «а) вследствие недостаточного количества с'ехавшихся делегатов; б) вследствие отсутствия материалов, необходимых для работ с'езда и в) вследствие того, что на созываемом с'езде не представлены в достаточной полноте все течения анархической мысли». Признавая созыв с'езда настоятельно необходимым, резолюция оканчивается пожеланием как можно скорее созвать его. Из состава приехавших делегатов избрано новое Организационное бюро. Какие же группы и организации были представлены делегатами, подписавшими резолюцию? Вот они все полностью: «1. Московская федерация анархических групп. 2. Советская группа анархистов г. Москвы.[1] 3. Захарковская (?) группа анархистов. 4. Федерация анархистов в Бежице. 5. Смоленская группа анархистов-коммунистов. 6. Нижегородская федерация анархистов. 7. Ржевская группа а.-к. 8. Колпинская группа ан. и 9. Группа анархистов XII армии».

Здесь снова обращает на себя внимание не только ничтожное количество с'ехавшихся делегатов, но и их случайный характер. За исключением Москвы (и, конечно, Петербурга, делегаты которого почему-то не подписались под резолюцией, может быть, не соглашаясь с ней), нет представителей самых крупных промышленных или культурных центров, и зато представлен ряд захолустий.

Всероссийскому с'езду анархистов всех течений — увы — так и не суждено было состояться. Только 25 декабря 1918 г. собрался в Москве первый (и последний) с'езд одних лишь анархо-коммунистов [1]. То было время,

1 Повидимому, зародыш тех анархистов, которые потом примкнули к советской власти.

когда а.-к. уже окончательно вступили в решительную борьбу с советской властью. Хотя этот с'езд выходит за хронологические рамки данной главы, все же мы в двух словах коснемся его организационной стороны, так как данные этого с'езда бросают свет и на прошлый период.

Всего на с'езде было представлено 15 губерний (какие именно, опубликованный протокол с'езда не сообщает). Зарегистрировано было на местах всего 550 анархистов, но так как, по словам докладчика, анархисты не любят регистрироваться, то общее число а.-к. вместе с сочувствующими надо, по его мнению, считать в 3000 человек. Само собою, эта цифра совершенно произвольна и явно преувеличена. Некоторым косвенным указанием на ничтожную численность анархистских групп в то время может служить модус выборов на этот с'езд: «не больше 2 делегатов от 10 членов групп».

Перейдем к другим данным количественного характера, свидетельствующим о степени влияния и распространения той или иной партии или течения: к тиражу важнейших анархистских газет и вообще их финансовому положению, а также — особо — к денежным сборам в пользу этих газет (как известно, Ленин придавал этим сборам громадное показательное значение и в эпоху 1912—14 гг. пользовался сравнительным анализом сборов в пользу «Правды» и меньшевистского «Луча» для определения степени идейной и огранизационной связи большевиков и меньшевиков с рабочей массой). О тираже газет и их материальной базе мы можем судить, конечно, лишь по косвенным данным. И в этом отношении можно смело утверждать, что наиболее плачевно стояло дело у анархо-синдикалистов. «Голос Труда» (как это видно по отчетам) получил при своем

[1] На Украине анархистских конференций было несколько.

основании солидную сумму в несколько десятков тысяч рублей из Нью-Йорка от ликвидировавшейся там к этому времени а.-с. газеты под тем же названием (редактор ее Волин, приехав в Петербург летом 1917 г., привез с собою не только нью-йоркские деньги, но и старые свои нью-йоркские статьи, которые он долго потом перепечатывал). Эти деньги и явились главной финансовой базой еженедельного «Голоса Труда». Мы уже видели, что попытка а.-с. перейти в ноябре на ежедневную газету окончилась неудачей (вышло всего 5-6 маленьких полулистов) именно из-за отсутствия средств, аппарата распространения и т. п., фактически из-за отсутствия организационных связей в рабочей среде (и это несмотря на наличие захваченной типографии).

Гораздо лучше в этом отношении обстояли дела у «Буревестника». Делегат от этой группы на упомянутом нами с'езде а.-к. в декабре 1918 г. сообщил, что тираж «Буревестника» в самые благоприятные моменты доходил до нескольких тысяч (значит, меньше 10 тыс.), и падение этого тиража об'яснял тем, что «Буревестником» окончательно овладела группа Гордина (вернее, Гордин единолично). Но это об'яснение несостоятельно, так как обе литературных группы, о которых говорилось выше, сменяли друг друга в редакции неоднократно (закрылся «Буревестник» 1 мая 1918 г.). Дело в том, что на первых порах к этому органу привлекал широкую публику интерес сенсации, самый выход ежедневной боевой, крикливой анархистской газеты. Читал ее и любопытствующий обыватель, читали и рабочие. Но когда этот специфический интерес сенсации остыл, газета стала хиреть, так как и она не создала никаких сколько-нибудь длительных связей в рабочей массе, и успех ее падал уже в начале 1918 г.

Что из анархистских течений наименьшим успехом среди масс пользовались а.-с., а гораздо больший интерес к а.-к. имел в значительной мере временный и слу-

чайный характер и падал по мере развития, углубления и укрепления Октябрьской революции (т. е. как раз обратно тому, что предсказывали анархисты) — целиком подтверждает и анализ денежных сборов в пользу анархистских газет, производившийся ими среди сочувствующих [1].

Мы уже видели плачевное финансовое положение «Голоса Труда». Кстати, в нем совсем не печатались отчеты о денежных сборах, вероятно, потому, что сборов этих или не было вовсе, или они были до смешного малы. Но вот харьковская а.-с. «Рабочая Мысль» (№ 7 от 26 ноября) поместила кассовый отчет с 3 сентября по 11 ноября, и там на ряду с деньгами, вырученными от продажи литературы и газет, деньгами «одолженными» и т. п., на первом месте имеется рубрика: «Собрано в фонд «Рабочей Мысли» 531 р. 45 к.»

Конечно, в сравнении с такой суммой сборы в пользу петербургских а.-к. кажутся огромными, но они заключают в себе ряд специфических особенностей, на которых стоит остановиться. Вот фонд журнала «Коммуна», отчет о котором помещен в № 3, еще в мае 1917 г. Среди ряда мелких сумм, исчисляющихся рублями и даже копейками, вдруг встречаются неожиданно большие суммы от некоторых заводов, особенно с Металлического — 6 435 р. на устройство собственной типографии — т. е. с того именно завода, на котором, как мы помним, у анархистов были связи еще во время войны.

То же повторяется в следующем отчете того же журнала «Коммуна», помещенном уже в № 12 «Буревестника». Между множеством мелких сумм, не превыша-

---

[1] Вместе с тем это обстоятельство лишний раз выявляет классовую природу русского анархизма в эту эпоху (как в значительной мере и в эпоху 1905—08 гг.), а именно то, что он опирался не на рабочих, а на деклассированные элементы и (как мы еще увидим) на некоторые группы крестьян.

ющих обычно десятков рублей, выделяются снова суммы, полученные от знакомых анархистам со времен войны заводов: Трубочного — 2 500 р. и Металлического — 901 р.

Далее, в самом «Буревестнике» помещены два денежных отчета: в № 27 за время с № 1 по № 25 и в 40 — с № 27 по № 40. В первом из них — с целого ряда заводов, в том числе снова с Трубочного, получены подозрительно круглые цифры: 2 000, 1 500, 1 000 р. (как и в предыдущем отчете — 2 500 р. с Трубочного завода). Путем сборов у отдельных рабочих такие регулярно повторяющиеся круглые суммы получены быть не могут. Это — скорее всего отчисления из касс фабрично-заводских комитетов, сделанные под влиянием отдельных, входивших в эти комитеты рабочих-анархистов, пользовавшихся некоторой популярностью еще в годы войны. Это предположение тем более вероятно, что большевики, начиная с октября, вряд ли занимались сборами среди рабочих, а меньшевики и эсеры в то время не могли быть конкурентами анархистов, так как влияние их катастрофически падало на заводах и фабриках [1].

Зато второй из помещенных в «Буревестнике» денежных отчетов (от 4 января) — последний имеющийся в нашем распоряжении — представляет собою картину полного распада. Крупных сумм, собранных с заводов, здесь уже нет. Металлический завод представлен лишь суммой в 125 р. 85 к.

Почти все суммы, до самых мелких включительно, получены от отдельных лиц, в том числе «заимообразно» 3 640 руб. от экзотического члена группы, артиста Мамонта Дальского, которого буржуазная печать обвиняла в организации налетов.

---

[1] Тираж центр. органа м-ков «Рабочей Газеты» со ста тысяч в марте упал до 15—10 тысяч в сентябре 1917 г.

Наш вывод. В первые месяцы Октябрьской революции анархисты (и притом ан.-комм., а не ан.-синдикал., которые все время были и остались доктринерской сектой, чуждой рабочим массам, чисто пропагандистской группой) жили процентами с прошлого политического капитала, т. е. теми симпатиями, которые они приобрели среди некоторой части рабочих еще в годы войны и особенно в период керенщины, за счет «оборонческих» и «соглашательских» партий.

В то время массы, все более склонявшиеся к большевистским лозунгам, не всегда достаточно разбирались в критической части разных революционных платформ, направленной против политики временного правительства, и смотрели на анархистов, как на союзников большевиков. Наоборот, Октябрьская революция вырвала у анархистов их «социальное жало», т. е. то, чем они могли влиять на массы. В начавшейся пролетарской революции социальному максимализму анархистов нечего было больше делать, а их борьба против государства не могла встретить ни отклика, ни сочувствия в обстановке ожесточенной борьбы пролетариата за государственную власть. И поэтому в своих дальнейших выступлениях против советской власти анархисты все более отражали обывательские настроения более отсталых элементов рабочих, настроения деклассированных масс, выброшенных на поверхность жизни революцией, отчасти в результате стихийной демобилизации бывшей царской армии и «мешечничества» или же, как в махновщине, озлобление более состоятельной части крестьянства против пролетарской диктатуры.

Вот как резюмировал, возобновившийся после долгого перерыва орган союза анархо-синдикалистов «Голос Труда» в своем первом номере от декабря 1919 г. тот распад, которому подверглось наиболее принципиальное и теоретически выдержанное направление русского анархизма за первый период Октябрьской революции.

«Приблизительно полтора года прошло с тех пор, как наш ежедневный «Голос Труда» замолк. Свыше года, как анархо-синдикалисты, об'единенные вокруг него, как-будто замерли, не оставив никаких следов... Хуже того! За это время разложение в наших рядах шло усиленным темпом, — ничего почти не оставалось от движения, которое с такими трудностями было создано в первые дни революции. И когда, наконец, состоялась первая конференция анархо-синдикалистов, мы столкнулись со значительными разногласиями, разделявшими анархо-синдикалистов на «крайне левых» и на «крайне правых»... Что же касается большинства товарищей, то привлеченные на Украину предполагающимися лучшими перспективами для работы, они, повидимому, забыли там все то, чему их два года социальной революции в России должны были научить».

И действительно, дальнейшее развитие русского анархизма представляет собою явный распад на два прямо противоположных течения: в то время как одни анархисты, признав банкротство своего учения в обстановке революции, переходили на позиции советской власти или даже вливались в ряды коммунистической партии, другие переходили на почву явной контрреволюции.

6. «АНАРХИЗМ ПОДПОЛЬЯ» И МАХНОВЩИНА

Весной 1918 г. советская власть решила положить предел бесчинствам анархистских групп, совершавших налеты и экспроприации, и ликвидировала ряд анархистских особняков в Москве и некоторых других городах. Приэтом выяснилось, что под видом анархистов и вместе с ними «работали» не только обыкновенные уголовные элементы и хулиганы, но и сознательные контрреволюционеры-белогвардейцы, использовавшие анархистскую безнаказанность для своей подрывной работы. Вот что писал об этом орган самих московских анархистов «Анархия» (№ 34)[1]:

«За последнее время злоупотребления принимают угрожающие, устрашающие размеры... Нашим именем совершаются гнусности, подлости, низости, убийства, грабежи... Видно ясно, что это не случайные, единичные, между собою не связанные, индивидуальные явления; явно чувствуется «белая ручка». Злоупотребления систематизированы. Это гнусная, черная, темная работа белой гвардии. Среди грабителей — огромный процент бывших кадровых офицеров и людей с высшим образованием... Четко вырисовывается картина провокационной деятельности, — здесь работает контрреволюционная организация».

Это впоследствии было подтверждено и в некоторых мемуарах эмигрировавших за границу белогвардейцев. Но, несмотря на это, анархисты подняли неистовый

---

[1] Цитируем по книжке Яковлева—«Русский анархизм в Великой русской революции», стр. 11 и 9.

шум против репрессий со стороны советской власти и принципиально возражали против какой бы то ни было борьбы с преступлениями. «Что может делать федерация? — писала та же газета «Анархия» в № 35. — Бороться с преступниками? Нет. По-нашему, надо бороться с преступлением, надо искоренить те причины, которые делают возможными такие явления... В чем наша вина? Мы не боремся с ворами, грабителями, которые злоупотребляют нашим именем, позорят и грязнят нас? Нельзя же нам в самом деле бороться с вором, который ворует в воровском обществе».

После первых репрессий советской власти наиболее враждебно настроенные к ней анархисты пытались создать об'единенное течение «единого анархизма»[1]. В начавшейся гражданской войне они выступали против всех решительно мероприятий пролетарской диктатуры: против организации Красной армии и за сохранение партизанщины, против какой бы то ни было дисциплины в производстве, против всякого революционного порядка.

Наконец в самый тяжелый период гражданской войны, когда деникинская армия подступала к Туле, некоторые группы анархистов перешли к тем самым методам борьбы, которые они применяли против царского правительства и буржуазии: к экспроприациям и террористическим покушениям[2]. Об'единившись в организацию под названием «Анархисты подполья», эти группы произвели ряд экспроприаций в отделениях народного банка и рабочих кооперативах. А 25 сентября 1919 г. они, в союзе с некоторыми левыми эсерами, бросили разрывной снаряд большой силы в помещение Московского комитета коммунистической партии в Леонтьевском переулке, где в это время происходило

[1] Впрочем, оно проявляло себя главным образом на Украине.
[2] На Украине „эксы“ были в ходу у анархистов и раньше.

заседание актива Московской организации большевиков, с участием виднейших членов партии, и где анархисты надеялись убить и самого Ленина.

Взрывом убито было 12 членов партии, в большинстве рабочих и работниц, и ранено 55. Вот что они писали в своих декларациях после покушения в выпущенной ими подпольной газете «Анархия»: «Для экономии революционной энергии в настоящее время возможна лишь борьба динамитом... Вслед за активом в Леонтьевском переулке последуют другие акты... С комиссарами-генералами отныне начнем разговаривать на языке динамита...» В листке под названием «Декларация» они писали: «В России на развалинах белогвардейской и красноармейской принудительных армий образуются вольные анархистские партизанские отряды. На севере, на юго-востоке они образовались, и всюду веет идея безвластного общества». В том же листке изложена изумительно упрощенная экономическая программа, необычайно наглядно обнаруживающая мелкобуржуазный характер руского анархизма в эту эпоху: «Пусть будет каждый обеспечен средствами производства, на сколько он умеет их производительно использовать независимо от других или совместно с другими по его воле»[1].

На ряду с этим «боевым» анархизмом, действовавшим об'ективно в полном союзе с белой контрреволюцией, были в это время и другие группы, отмежевывавшиеся от таких «революционных» действий, как взрыв в Леонтьевском переулке. Но они или ограничивались бессильными, по существу чисто либеральными, платоническими протестами против диктатуры, против смертной казни и т. п., или же с бешенством звали на борьбу с советской властью. На такой же непримиримой позиции оставались и анархо-синдикалисты, кото-

[1] Там же, стр. 46 и 47.

рые выступали не только против диктатуры пролетариата, не только требовали перехода отдельных фабрик и заводов или отдельных отраслей производства в полное распоряжение рабочих этих заводов или профсоюзов, но все время противопоставляли пролетариату интересы крестьян, требовали создания крестьянского союза и протестовали против каких бы то ни было привилегий рабочего класса по сравнению с другими трудящимися, еще раз обнаруживая этим свою мелкобуржуазную природу.

Особенно интересные формы принял анархизм в сложной политической обстановке Украины, где ему удалось на некоторое время создать организацию, опирающуюся на довольно значительные слои крестьянства. Это была *махновщина*[1].

Украина эпохи октябрьской революции, с ее сложным переплетом национальной и классовой борьбы, с ее непрерывной сменой властей и правительств и развившейся вследствие этого партизанщиной, представляла особенно благоприятную почву для пропаганды и распространения анархизма[2]. Но движение, известное под названием «махновщины», т. е. связанное с именем повстанческого вождя «батьки» Махно, гораздо шире тех анархистских групп и организаций, которые к этому движению примазались и хотели на него опереться.

Махно, бывший анархист эпохи первой революции, отбывавший каторгу в Бутырской тюрьме, после Февральской революции стал играть активную роль в своем родном Гуляйпольском районе, где он руководил борьбой крестьян против помещиков. Впервые

[1] Эпопее махновщины, кроме брошюры Яковлева, посвящена интересная и серьезная работа М. Кубанина.

[2] Любопытные картинки анархистских нравов в Крыму и на Украине весной 1918 г. см. в книге Чуднова «Под черным знаменем», изд. «Молодая Гвардия».

Махно стал вождем партизанских отрядов во время начавшегося восстания украинских крестьян против немецкой оккупации и правительства гетмана Скоропадского. После ухода немцев их место стали занимать белые армии, пытавшиеся вернуть власть помещиков, что снова вызвало взрыв крестьянских восстаний, в которых партизанские отряды Махно играли довольно видную роль. В это время социальный состав махновских «армий» представлял собой блок зажиточного крестьянства его района с середняками и с некоторой прослойкой бедняков и рабочих, не говоря уже о приставших к нему в большом количестве деклассированных элементах. Пока борьба была направлена против немцев и представителей старого режима и помещичьей власти, махновщина об'ективно являлась союзницей пролетарской революции, и Махно находился даже в договорных отношениях с Красной армией. Но когда богатое крестьянство, составлявшее главную основу армии Махно и ее питательную базу, столкнулось лицом к лицу с социальной политикой власти в деревне, оно выступило враждебно против пролетарской диктатуры. А некоторые ошибочные мероприятия аграрной политики Украинского Советского правительства оттолкнули от него на время и значительные группы середняцких элементов в деревне. В результате с лета 1919 г. махновщина становится явно антисоветским движением, и Махно выступает против Красной армии[1]. В это именно время со всех концов Советской России с'езжаются к Махно анархисты, с известным уже нам виднейшим теоретиком и публицистом анархо-

[1] После того Махно еще два раза (в самом конце 1919 г., в разгар деникинщины, и в 1920 г.—против Врангеля) вступает в соглашение с советской властью, под давлением середняцких и бедняцких элементов украинской деревни, испугавшихся возвращения помещиков. Но оба эти соглашения были непрочны и весьма лицемерны со стороны Махно и анархистов.

синдикализма Волиным во главе, с тем, чтобы попытаться при помощи Махно осуществить идею «безвластных советов», идею безгосударственного общества И в этом движении, в этой военной тяжбе анархической крестьянской вольницы против революционной диктатуры пролетарской власти диалектика русского бакунизма сыграла с ним последнюю трагическую шутку..

Махновцы заявляли и в своей печати и на с'ездах, что хотят ввести «вольный советский строй», и это отвечало тогдашним антисоветским настроениям значительных масс украинского крестьянства, которое в идее «вольных советов» видело освобождение от налогов и вообще от власти городов. «Замкнувшееся, вернувшееся к натуральному периоду крестьянское хозяйство не нуждалось в городе, вернее, город ничего не мог дать взамен деревенских продуктов. Лозунг «вольных советов» выражал в устах середняка его тенденции против крепостнических остатков и капитализма прежде всего, но также и против военного коммунизма. Этот лозунг выражал в устах кулачества как его антикрепостнические, так и антисоциалистические тенденции. В борьбе против военного комунизма создался блок кулаков-середняков с руководством первых». (Кубанин, «Махновщина», Изд. Прибой, стр. 97).

Приэтом, если кулак в своей ненависти к пролетарской диктатуре готов был моментами мириться даже с возвратом помещика, то середняк, когда ему предстояло выбирать между помещиком и советской властью, предпочитал советскую власть. Этим об'ясняется непрочность махновского блока и те колебания, которые испытывала махновская организация в разные периоды гражданской войны на Украине.

В то же время идея «вольных», или «безвластных», советов очень скоро дискредитировала себя, так как эти советы вырождались в откровенную военную диктатуру как самого «батька» Махно, так и его много-

численных атаманов, — диктатуру, которая не могла разрешить ни одного из противоречий, ни одного из вопросов, возникавших на территории их «безвластной» власти, всякий раз как эта власть выходила за пределы чисто крестьянского Гуляйпольского района и сталкивалась с необходимостью решать вопросы более крупного масштаба. Мы увидим дальше, как разрешал Махно рабочий вопрос. Но и во всех вопросах управления, начиная с финансов и кончая администрацией и судом, махновщина беспомощно путалась между разнузданной партизанщиной, граничившей с прямым бандитизмом, — с одной стороны, и свирепой диктатурой — с другой. Возьмем для примера вопрос о суде. На с'езде махновцев в городе Александровске осенью 1919 г. была принята торжественная декларация, в которой, между прочим, говорилось: «Истинное правосудие должно быть не организованным, но живым, свободным творческим актом общежития. Самооборона населения должна быть делом свободной, живой самоорганизации. Поэтому всякие омертвелые формы правосудия — судебные учреждения, революционные трибуналы, уложения о наказаниях, полицейские или милицейские институты, чрезвычайки, тюрьмы и вся прочая старая бесплодная и ненужная ветошь, — все это должно отпасть само собой и упраздниться при первом же дыхании свободной жизни, при первых же шагах свободной и живой общественно-хозяйственной организации». Таковы были слова махновцев. На деле же они ввели контрразведки, в которых творились дела, поистине ужасные, и которыми нередко заправляли бывшие уголовные преступники, перекрасившиеся в анархистов. А пытки применяли и сам Махно и его приближенные.

«За полтора месяца, пишет Кубанин, существования власти «безвластников» в Екатеринославской губернии в полной мере было доказано, что представляет собой

анархическая теория, воплощенная в жизнь. Вместо безвластия — военная диктатура маленьких крестьянских бонапартов — «батек», в лице командиров армии; вместо абсолютной свободы — абсолютная власть контрразведки; вместо благоденствия, которое должна была дать социализация промышленности, — разрушение всей промышленности; вместо экономического строительства — полный хозяйственный развал» (там же, стр. 120-121).

Махновщина зародилась, как движение интернационалистическое, об'единявшее деклассированные элементы разных наций и противопоставлявшее себя украинскому шовинизму петлюровцев. Впрочем, и в лучшую, наиболее «революционную» пору своего развития, махновщина не была свободна от антисемитизма, несмотря на участие евреев в махновских организациях. Но постепенно, по мере вырождения всего махновского движения, оно становилось не только все более антисемитским, но, под влиянием союза с кулаками, все более националистическим, все более противопоставляло себя «москалям» и сближалось с петлюровцами.

Наконец, выступив первоначально как чисто крестьянская организация, пополняя свои финансы грабежом городов и передавая часть награбленного отдельным элементам сочувствовавшего им крестьянства, махновцы в период своего вырождения, после отхода от них середняцкой массы, стали грабить не только советские учреждения, не только собранный сельсоветами продналог, но и крестьянский хлеб.

«Сводки рисуют уже не прежнюю политическую борьбу с советской властью, а уголовный бандитизм мелких кулацких шаек, направленный и против советской власти и против всех прочих, кроме кулаков, слоев деревни. Такова история махновщины, проделавшей полную эволюцию от громких фраз о международной революции до мелкого кулацкого бандитизма, от союза

с пролетариатом до союза с румынским королем» (под защиту которого Махно с незначительной бандой ушел летом 1921 г.; Кубанин, стр. 162—163).

Какова же была роль анархистов в махновщине, какова была степень их влияния на самого Махно и на его организацию?

Если можно было думать, что в махновском движении вожди лишь прикрывались анархическими фразами, чтобы придать движению сколько-нибудь идейную внешность, то сами анархисты постарались впоследствии представить это движение, как насквозь пропитанное подлинно-анархистской идеологией. В предисловии к вышедшей в 1923 г. в Берлине «Истории махновского движения», написанной активным участником этого движения анархистом Аршиновым, Волин-Эйхенбаум пишет, что махновщина доказывает «глубокую верность и реальность анархизма, как единственной подлинно-революционной идеологии труда, и снимает с большевизма всякую тень исторического оправдания» (стр. 21, 22). Приэтом, выступая против советского режима, сам Аршинов смотрит на него не как на извращение или отклонение от социализма, а как на его воплощение и, таким образом, свою борьбу с большевизмом определяет, как продолжение старой борьбы анархизма с «централистическим» социализмом. «План этого строительства и этого господства в течение десятков лет разрабатывался и подготовлялся вождями социалистической демократии и до русской революции был известен под названием коллективизма. Сейчас он называется советской системой».

Итак, чем проявили себя анархисты в махновщине, когда история, казалось бы, предоставила им полную свободу действий? Украинская организация анархистов «Набат» на первых порах целиком приветствовала движение и пыталась придать ему идейно-анархический характер. Анархисты издавали и редактировали органы

махновцев, они же входили в революционный военный совет махновской армии и создали в ней культурно-просветительный отдел. Это значило, что им приходилось принимать непосредственное участие и в том терроре, который проводила махновская армия по отношению ко всем, подозреваемым в большевизме, и даже по отношению к мирному населению городов, а также в тех органах власти, которые махновская армия вынуждена была создавать. Это, равно как и деспотический произвол самого Махно и разнузданность его приближенных и агентов, должно было внести смущение и разлад в среду анархистов.

Но если одни из них постепенно отмежевались от махновского движения, то их лидер Волин и его ближайший соратник Аршинов остались с Махно до конца и взяли на себя ответственность за все действия и мероприятия махновщины.

А на 3-й конференции украинской анархистской организации «Набат», происходившей в сентябре 1920 г., т. е. уже после опыта деникинщины и врангелевщины, была принята следующая резолюция об отношении к советской власти:

«Принимая во внимание, что советская власть стала могильщицей революции, что война советской власти с буржуа и белогвардейщиной не может служить смягчающим обстоятельством в нашем отношении к советской власти... конференция «Набата» призывает всех анархистов и честных революционеров к решительной непримиримой борьбе с советской властью и ее институтами, не менее опасными для дела социальной революции, чем другие менее прикрытые ее враги — Антанта и Врангель». (Цитировано в брошюре Яковлева, стр. 34).

В начале революции влияние анархистов на Украине, несмотря на их шумные выступления, было ничтожно: «Во время Второго с'езда советов Украины, в

начале 1918 г., анархисты имели всего лишь 3 мандата, в то время как большевики имели 428, об'единенные левые с.-р. (украинские и русские) — 414, украинские с.-д. — 13, с.-р. (русские и украинские) — 4 и беспартийные — 82»[1]. И в дальнейшем, во время господства махновщины, на созываемых в ее районе с'ездах советов рабочие почти всегда находились в оппозиции к махновщине. И не удивительно, ибо в основе махновского движения лежало стремление состоятельной части крестьянства отгородиться от пролетарской революции городов и вернуться к натуральному хозяйству. Не даром махновцы заявили железнодорожным рабочим, требовавшим уплаты жалования, что они в железных дорогах не нуждаются, а сам Махно в официальном ответе рекомендовал им для оплаты своего труда самим организовать сбор с пассажиров.

«В целях скорейшего восстановления нормального железнодорожного движения в освобождаемом нами районе, — писал Махно, — а также исходя из принципа устроения свободной жизни самими рабочими и крестьянскими организациями и их об'единениями,— предлагаю тт. железнодорожным рабочим и служащим энергично сорганизоваться и наладить самим движение, устанавливая для вознаграждения за свой труд достаточную плату с пассажиров и грузов, кроме военных, организуя свою кассу на товарищеских и справедливых началах и входя в самые тесные сношения с рабочими организациями, крестьянскими обществами и повстанческими частями»[2].

Таково же было по существу отношение Махно и к горнякам Донецкого района. Использовав их для борьбы с красновцами и гетманщиной, Махно предоставил затем Донбасс собственной судьбе и препятствовал

[1] М. Кубанин, Махновщина, стр. 201.
[2] Цитируем по книге Кубанина, стр. 103.

даже советской власти в подвозе продовольствия в этот район. Как правильно отмечает в своей работе Кубанин, «анархо-махновская программа по рабочему вопросу (особенно пункт о «социализации», т. е. о переходе промышленных предприятий непосредственно в руки рабочих данного предприятия,—*Б. Г.*) могла удовлетворить лишь ремесленников или рабочих мелких предприятий, связанных непосредственно с крестьянским рынком, так как для мелкой полуремесленной промышленности вопросы рынка, снабжения, зарплаты и т. д. не увязывались с экономикой и политикой всей страны... Высоко квалифицированный пролетариат крупных отраслей народного хозяйства (тяжелая индустрия, топливо, металлургия и т. д.) мог на практике убедиться во вредности анархо-синдикализма махновщины, чтобы никогда не возвращаться к программе социализации промышленности» [1].

Таким образом, окружавшие Махно анархисты, за исключением небольших периодов перемирия с советской властью (причем в эти моменты они резко критиковали Махно за такое «соглашательство» по отношению к большевикам), могли опираться по существу лишь на часть крестьянства и на деклассированные, полубандитские элементы, облепившие махновское движение. Но и тем и другим до «идейного», теоретического анархизма было очень мало дела. Впрочем, и сам Махно несмотря на свое анархистское прошлое проводил свою собственную линию, отражавшую изменчивые настроения шедших за ним крестьянских групп, и мало считался со своими анархистскими советчиками. Вся сила его и то упорство, с каким он вел партизанскую войну против советской власти, питались исключительно блоком кулаков с середняками и держались только до тех пор, пока этот блок существовал.

[1] Там же, стр. 107.

Новые мероприятия украинской советской власти в земельном вопросе[1], отколовшие середняков и бедноту от кулаков, лишили Махно его социальной базы и облегчили военную ликвидацию махновщины. В результате — специфически махновский анархизм исчез бесследно, оставив лишь тяжелые воспоминания во всех слоях населения, где орудовала махновская армия.

Как бы ни относиться к отдельным моментам махновщины или к суб'ективным целям и намерениям вождей движения, сколько бы ни писал его историк Аршинов о том, что движение оклеветано большевиками, сколько бы ни приводил характеристик отдельных участников для доказательства того, что в их среде были и бедняки — крестьяне и рабочие, об'ективным фактом остается следующее:

1. Махновщина в данных условиях явилась своеобразной анархистской Вандеей. Ведь и старая историческая Вандея, несмотря на свою религиозно-монархическую идеологию, была движением широких крестьянских масс, которые могли вызывать иногда сочувствие к себе, но усмирение которых в обстановке тогдашней революционной Франции было исторической необходимостью.

2. Какова бы ни была руководящая верхушка движения, в основном оно выражало интересы и настроения, с одной стороны, более состоятельной части крестьянства, выступавшего против пролетарской диктатуры, а с другой стороны, многочисленных деклассированных элементов, порожденных революцией и гражданской войной.

[1] Передача середнякам и бедноте бывших помещичьих имений, первоначально предназначенных для организации совхозов, создание комнезамов (украинских комитетов бедноты) и передача хлебных излишков, конфискованных у богатых крестьян, бедноте и части середняков.

3. Махновщина вынуждена была в процессе борьбы создавать органы государственной власти, хотя грубой и хаотической, которая была для нейтрального населения немногим лучше «анархического» произвола партизанов.

Таким образом, старинная мечта русских бакунистов о революционном крестьянском восстании, которое разрушит государственную власть и создаст вольные «казацкие круги», — эта мечта в действительности выродилась в об'ективно контрреволюционное выступление состоятельного крестьянства, которое притом на место разрушаемой советской власти ставило свою достаточно свирепую власть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили судьбы русского анархизма как в лице его величайших теоретиков и вождей, так и в лице тех анархистских направлений, организаций и групп, которые периодически возникали в революционном движении России на протяжении целых пятидесяти лет. И мы видели, что, если теоретики анархизма упирались в безвыходные противоречия, то все его практические проявления или приходили к своему собственному отрицанию, или идейно и морально разлагались.

Но величайшим экзаменом, величайшей проверкой для русского анархизма, как, впрочем, и для так называемых «социалистических» партий, т. е. меньшевиков и народников всех толков,— явилась Октябрьская революция.

В 1874 г., тотчас после выхода Бакунинской книги «Государственность и анархия», она попала в руки Марксу. Он ее внимательно изучал в русском подлиннике и конспектировал, сопровождая иногда ироническими замечаниями и поучениями, которые теперь, в свете нашей революции, приобретают совершенно исключительный интерес. Как правильно отмечает в своем предисловии к этому недавно открытому конспекту Маркса Д. Б. Рязанов, «в отличие от многих современных «марксистов», которые отрицают, что диктатура пролетариата является основой марксизма, как системы революционного действия, Бакунин прекрасно понимал, что тезис «Коммунистического Манифеста» — «пролетариат воспользуется своим политическим господством,

чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата», — означает именно революционную диктатуру пролетариата. Он только, в качестве анархиста, плохо понимал, в чем заключаются условия этой диктатуры. В то время как современных «марксистов»[1] особенно беспокоит судьба буржуазии, попадающей под господство пролетариата, Бакунин, всегда недооценивавший силу сопротивления господствующих классов и переоценивавший сознательность и организованность эксплоатируемых масс, — он видел только ничтожную кучку эксплоататоров, которых, как перышко, сносит бурный порыв уже по самому инстинкту своему революционно-коммунистических масс,— опасался, что это господство пролетариата направлено будет против «пятого сословия», или «крестьянской черни»[2].

В самом деле, в своей «Государственности и анархии» Бакунин задал следующий, как ему казалось, коварный вопрос.

— «Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству?»

И вот по поводу этого места Маркс в своем конспекте говорит: «Это значит, что покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом его к власти не исчезают еще его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять средства насилия, а поэтому и аппарат власти, если он сам еще

[1] Т. е. реформистов, прикрывающихся именем Маркса,—*Б. Г.*
[2] „Летописи марксизма“, 1927, № II, стр. 61

остается классом; и если не исчезли еще экономические условия, на которых покоится классовая борьба, т. е. существование классов, они должны быть насильственно устранены и преобразованы, процесс их преобразования должен насильственно быть ускорен».

Далее, на замечание Бакунина, что «крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов», «находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом»,— Маркс дает следующий ответ: «Это значит, что там, где крестьянин в своей массе является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех континентальных государствах Западной Европы, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как, например, в Англии, там будет следующее: либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и он сам перейдет на сторону революции, меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем...»[1].

[1] Дальше Маркс предостерегает как от того, чтобы раздражать крестьянство, „прозглашая отмену права наследования или отмену его собственности“, так и от того, чтобы укреплять мелкую собственность. При чем под „крестьянством“ вообше Маркс, конечно, подразумевал среднее крестьянство. „Кулаков“ Маркс относил к сельской буржуазии.

В этих словах гениально предвосхищен весь ход Октябрьской революции, вплоть до курса на коллективизацию крестьянского хозяйства и на организацию совхозов. И если в этих лежавших более полувека под спудом замечаниях Маркса была одержана теоретическая победа над бакунинским анархизмом, то Октябрьская революция разрешила этот давний спор и теоретически и практически. Ибо в то время, как наиболее мыслящие русские анархисты вынуждены были признать историческую неизбежность диктатуры пролетариата и тем отреклись от самой сущности своего учения, наиболее непримиримые из них, недоступные ни логике вообще, ни логике истории, оказались за бортом революции, оказались по ту сторону баррикады.

А бакунинское отрицание государства окончательно похоронено в грохоте гражданской войны и превратилось, благодаря иронии истории, в трагикомическую карикатуру, в махновщину.

ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

по вопросу об анархизме вообще и русском анархизме в особенности

Плеханов. *Анархизм и социализм* (Соч., т. IV).

Ленин. *Государство и революция.*

Преображенский. *Анархизм и коммунизм.*

Ягов. *Современный анархо-синдикализм.*

Бакунин. *Государственность и анархия.* (Изд. „Голос Труда").

Его же. *Письма к французу.* (Изд. „Голос Труда").

Б. Горев. *Бакунин.*

Стеклов. *Бакунин.* (Том II, III и IV).

Полонский. *Материалы для биографии Бакунина.* (Том III).

Кропоткин. *Речи бунтовщика.* (Изд. „Голос Труда").

Его же. *Завоевание хлеба.* (Изд. „Голос Труда").

Энгельс. *Бакунисты за работой.*

Ленин. *О Толстом.* (Сб. статей „Ленин и Толстой", изд. Комакадемии).

Его же. *Социализм и анархизм.* (Соч., изд. 2-е и 3-е, т. VIII).

Его же. *Детская болезнь левизны в коммунизме.*

Я. Яковлев. *Русский анархизм в Великой русской революции.*

М. Кубанин. *Махновщина.*

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, Новая площадь, 6. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 66. ХАРЬКОВ, Горяиновский пер., Дворец труда, пом. 15. РОСТОВ-на-ДОНУ, улица Фр. Энгельса, 102. КИЕВ, ул. Воровского, 25, Пассаж 33. СВЕРДЛОВСК, улица Малышева, 62. ТАШКЕНТ, ул. К. Маркса, 28. ВОРОНЕЖ, проспект Революции, 32. САМАРА, Ленинградская, 37. САРАТОВ, ул. Республики, 17.

85 коп.

